

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

МАРИЯ СТРЕЛОВА
НАС БОЛЬШЕ НЕТ

FUTURE CORP

Мария Андреевна Стрелова
Метро 2033: Нас больше нет
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»
Серия «Берилловый город», книга 2

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35246643
Мария Стрелова Метро 2033 Нас больше нет:
ISBN 978-5-17-106043-5

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Мытищи, небольшой город в Подмосковье, тоже выжил. Три

бункера мирно сосуществуют, ведут торговлю, да и просто живут. И лишь четвёртое убежище на территории бывшей военной части, где уже много лет единовластно царствует полковник Андрей Рябушев, плетёт интриги и хранит свои страшные тайны. Два разведчика находят в заброшенной квартире живого человеческого младенца и дневник, некогда принадлежавший Марине Алексеевой. Жители убежища Конструкторского бюро узнают об ужасной гибели бункера в Раменках. Но дневник пропадает из закрытого сейфа. Происки военных? Это предстоит узнать молодому и отважному Жене, сыну начальника бункера. Он отправляется с отрядом на территорию военной части, теряет всех верных ему людей и оказывается в плену у полковника. Кого встретит юноша в мрачных темницах бункера? Что он узнает? И не станут ли тайны Рябушева для него роковыми?

Содержание

Кровавые отметины жизни	6
Пролог	10
Глава 1	14
Глава 2	29
Глава 3	48
Глава 4	79
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Мария Стрелова

Метро 2033

Нас больше нет

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

© Д. А. Глуховский, 2018

© М. Стрелова, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

Кровавые отметины жизни

Объяснительная записка

Вадима Чекунова

Таков уж наш жанр – крови в нем предостаточно. От книги к книге ее количество меняется, то обильно заливая страницы, то пунктиром по загаженной земле убегая в неведомые руины – но по этому следу уже крадется некто или нечто, и нет спасения и надежды...

Всем нам еще в глубоком детстве приходится сталкиваться с этой удивительной жидкой субстанцией и пытаться постичь ее смысл и суть. У каждого свой опыт.

Первый раз я отчетливо увидел кровь года в три, может, в четыре. Лето в деревне. Раннее утро. Выбегаю на веранду и первое, что вижу – переломанное мышеловкой серое тельце с голым хвостом. Толстый металлический прут, согнутый в виде буквы «П», почти перерубил грызуна пополам. Из мертвой мордочки и из-под задних лап на дощечку, к которой надежно прикреплены пружина и рамка, натекло совсем немного. Не особо и страшно. Скорее, противно слегка.

Спустя пару месяцев вид собственной крови, непонятным для меня образом поднимающейся по тонкой стеклянной трубочке в уютном кабинете сердитой врачихи, произвел

намного большее впечатление. Боли, как таковой, не было. Лишь саднил проколотый палец. Но зато зародилась страшная догадка – любой может пустить тебе кровь, а ты ничего и поделать не сможешь. Разве что разреветься как следует – что и сделали до меня несколько пацанов и пара девчонок. Но я был так заморожен разглядыванием ставшей красной трубочки и размышлением «вот она была холодная и пустая, а теперь забрала часть меня и стала теплой», что поплакать просто забыл.

Потом была сбитая собака на дороге возле моего сада. «Не смотри!» – сказала мама и положила мне руку на голову, желая отвернуть. Упрямый и любопытный, я не отводил взгляда от уже запекшейся на асфальте полосы. «Из нее вытекла жизнь, да?» – спросил я маму. Она задумалась. Потом кивнула. Мы шли домой, и я пытался понять, есть ли у собак душа, и если есть, то где она находится у них, да и у меня заодно, и у всех остальных. Быть может, в той самой крови?.. Почему она красная? Я еще ничего не знал о каких-то там тельцах и гемоглобине. Поэтому решил уверенно – а чтобы было страшно. Чтобы когда текла, было сразу видно – смерть где-то рядом.

Чем старше становишься, тем больше крови вокруг тебя проливается – твоей и чужой. Вот тебе ловко разбивают в драке нос и губы, ты закидываешь голову в тщетной попытке если уж не остановить саму кровь, то хотя бы сберечь рубашку – но куда там, булькаешь, задыхаешься и заляпыва-

ешь еще больше. Вот твой сосед по общежитию, поэт-неудачник, влюбившись в очередной раз безответно, запирается в ванной комнате и все спохватываются лишь через полчаса, выламывают замок и тащат его, анемичного, куда-то по коридору, а из безвольных рук на затертый паркет падают быстрые темные капли и превращаются в кляксы. Вот снова кого-то тащат, но на тебе уже не джинсы и футболка, а пыльная и рваная форма с чужого плеча, ты растерянно смотришь на вязко блестящие лоскуты и куски, в которые превратился еще недавно смеявшийся чему-то человек... А вот тот, кого ты помнишь плачущим в той самой очереди на сдачу крови в кабинете суровой врачихи – сад, школа, армия, вуз, – вы прошли с ним плечом к плечу этот нехитрый путь. Человек отрешенно сообщает о своем миелобластном лейкозе и потухшим взглядом смотрит куда-то сквозь тебя. «Это с кровью что-то?» – пытаешься уточнить ты, хотя все прекрасно понимаешь и без ответа.

Кому-то выпадает насмотреться на кровь вдоволь, кому-то хватает и чуть-чуть совсем. Но у каждого кровью отмечены определенные вехи судьбы.

В книгах Марии Стреловой кровь появляется не так обильно, как, например, в жестоких слэшерах Дмитрия Манасыпова. Она не льется декалитрами, не заливают помещения, в ней не захлебываются герои в каждой главе по несколько раз. Вернее, и это тоже есть, но все же кровь у Марии чаще выступает в роли загадочного, полного мистиче-

ских таинств материала. Попытаться усовершенствовать который для того, чтобы выжить – придется. Но еще вероятней, что придется этот материал и пролить. Таков закон жанра и таков закон нового мира.

Пролог

Декабрь 2033

Темнота. Она казалась вечной и крошечной. Открыть глаза, уставиться невидящим взглядом вверх. В этом чернильном мраке не существовало ничего. Вокруг царили темнота и тишина.

В напряженном безмолвии слышно было только дыхание, частое и напряженное. Гулкий ритм сердца – в такт бьющейся в голове мысли-слову.

«Марина. Ма-ри-на»

Кто это, что за слово, что за имя? Кого с таким упорством зовет мучительный внутренний голос?

Вспомнить. Только бы вспомнить. Удары сердца – один, два, три. Вдох-выдох.

«Марина».

Кто это? Это – я? Я – кто? Кто – я?

Осмысленный вопрос заставил шире открыть глаза, уставившись в черное ничто.

– Кто я? – голос был странным, чужим. Он напоминал вздох умирающего старика и крик младенца одновременно. От этого страшного шепота судорогой свело внутренности.

Темнота. Ничего. Ничего и никого. Хотелось повторить вопрос в полный голос, но было слишком жутко.

– Кто – я? – любопытство взяло верх над липким ужасом, пришедшим на смену неизвестности.

В темноте не разглядеть. Кто – я? Я – кто? Ма-ри-на. Отголосок прошлого, призрак, пришедший мучить кошмарными снами. Ма-ри-на. Я – Марина.

Вторая осознанная мысль заставила вздрогнуть. В левой руке мучительно заныло, закололо. Правая машинально потянулась к источнику боли. Нашупала приклеенный к сгибу локтя пластырь и резиновую трубку.

«Что это?»

Темнота молчит в ответ. Она живая и тяжелая, из крошечного мрака кто-то наблюдает, смотрит. Раз, два, три. Вдох-выдох. Кто здесь? Кто – я?

Закрыть глаза. Темнота расцветивается огнями калейдоскопа, они мерцают и гонятся друг за другом. Мутит и голова кружится. А еще невыносимо хочется есть. И мучает одно-единственное навязчивое слово. Марина. Имя. Почему-то кажется важным не забыть его. Оно – путеводная нить. Оно приведет... К чему, куда?

Открыть глаза. Смотреть в темноту и мысленно повторять имя, как молитву.

Яркий рой огоньков на пару мгновений отступил, сменившись картинкой. Она была живой, яркой, будто рукой можно коснуться. Мужчина с перекошенным от ужаса лицом. Изможденный, больной, с рукой на перевязи. В застиранной футболке цвета хаки, бледный, как сама смерть. Его зрачки в

неверном отблеске карманного фонарика отражают монстра, жуткого, искореженного неведомой силой.

«Марина! Ты – человек! Человек! Нет! Не надо! Нет!» – его крик срывается в жуткий вой. Но голос так похож на тот, что слышался в голове.

Ма-ри-на. Человек. Человек?

Память вернулась внезапно, воспоминания нахлынули разом, неумолимым потоком, лавиной несказанного, давно забытого. Они растоптали, придавили грузом страшного прошлого ту, чье имя нарушило бесконечную тишину.

Она уже не помнила, что кричала и что говорила, обвиняя мирозданье, вернувшее ей все, что так хотелось забыть, вычеркнуть навсегда. Голова раскалывалась от боли, перед глазами мелькали пятна, лица, сменяясь одно другим, мучили тенями прошлого, заставляли вспомнить все, каяться, плакать и просить прощения у тех, кого давно уже не существовало.

Крик, полный неслыханного страдания, отражался от стен и удваивался, и вновь отражался, а она все металась и рыдала, не слыша себя.

Острый луч больно резанул давно не видевшие света глаза. Чьи-то руки ее держали, не давали вырваться, потом на запястья холодом легли металлические обручи.

Голову разрывало воспоминаниями, образами, которых было слишком, слишком много. Тело конвульсивно дергалось, тонкую кожу царапал металл наручников, перед ослеп-

шими глазами плясали блики.

– Держать в сознании! – донеслось откуда-то издалека. – Капельницу убрать, руки освободить!

– Нет, не хочу, нет! – кричал отчего-то знакомый голос. Она почувствовала, как из вены легко выскользнула игла, холодные прикосновения наручников исчезли. Хлопнула дверь, и снова стало темно и тихо.

Вместе с этим ушли силы. Оставалось только забиться в угол и тихо всхлипывать, оплакивая саму себя.

Когда боль в глазах утихла, удалось разглядеть зыбкий огонек керосиновой лампы и темную фигуру в углу. Мрачные стены, выкрашенные в зеленый цвет, на одной из них – бурое пятно, слишком похожее на кровь. Узкая кровать посередине и тяжелая дверь с решеткой, закрытая снаружи.

Человек в углу не шевелился, стараясь даже дышать через раз. Ему было страшно, так же страшно, как тому, из воспоминаний. Животный, дикий ужас.

На лице несчастного было три незаживших, воспалившихся раны, будто его трижды полоснули ножом.

В тишине, в неровном желтоватом свете существо, бывшее когда-то Мариной, подняло голову.

– Человек, – прошептало оно. – Я – человек. За что?

Она вспомнила все. То, что так хотелось забыть. Со стоном уронила голову на скрещенные руки и мгновенно провалилась в тяжелый, не приносящий отдыха сон.

Глава 1

Ребенок

Два месяца назад. Октябрь 2033

Двое мужчин сидели, пережидая, пока мутант за дверью успокоится и отправится на поиски новой добычи. В свете фонариков они рассматривали свою чудесную и жуткую находку – дневник и младенца, волей случая оказавшегося в одной из квартир в разрушенных Мытищах.

– Сколько лет на свете живу, сколько после Катастрофы по поверхности хожу, а такого никогда не видел, – тяжело вздохнул старший, не отводя глаз от дневника.

Это были первые слова, произнесенные за полчаса. Они нарушили тревожную тишину квартиры, вернули в реальность задумавшихся о своем разведчиков.

Младший, Слава, пристально рассматривал ребенка, мучительно ворочая в голове гнетущую, тяжелую мысль, которая не давала ему покоя. Парень уже сожалел о горячих и поспешных словах, сказанных раньше, и ему больше не казалась хорошей идея тащить *это* в бункер. Ребенок мутанта не может быть человеком. Не может. Не может. Это противно здравому смыслу.

– Николай Ильич, это же бред какой-то. Ребенок, которого

родил мутант. На человека-то похож, а вдруг не человек? А вдруг он наших детей заразит? – парень, наконец, высказал то, что его тревожило.

– Не заразит. Это же не грипп, воздушно-капельным путем не передается. Надо его к нашим отнести, там разберемся. Не до завтра же тут сидеть. Есть охота, да и день пережить в этом доме совсем не горю желанием, особенно зная, что за дрянь тут, за дверью, бродит. Собирайся, что ли, – устало ответил разведчик, закрывая блокнот.

«Fugit irreparabile tempus¹. Пожалуйста, помните нас...» – мелкие завитки аккуратного женского почерка к концу дневника сменялись заляпанными кровью страницами, написанными явно мужчиной. «Прощайте. Женя Иваненко».

– В мире, исковерканном ядерной войной, бывает всякое. Неверие может стоять жизни. Интуиция помогает спастись. А судьба порой безумна, но на то она и судьба, – задумчиво протянул Николай, обращаясь скорее к самому себе.

Сомнения мучили его не меньше, чем его юного напарника. В голове набатом гудел тревожный колокол: «Быть беде!». Но тихий трезвый внутренний голос спорил: «Нельзя оставить этого ребенка здесь. Ему нужна помощь, наша помощь! И ты не сможешь спать спокойно, если бросишь крошку умирать!»

Что побудило этих двоих прийти сюда именно сегодня? Почему не на день позже, когда младенец был бы уже мертв?

¹ Бежит невозвратное время (*лат.*) (Вергилий).

Почему именно им предстояло принять непростое решение, судьбоносное для стольких людей?

– Идем. Надо выбираться отсюда. Скоро рассвет, а нас ждут. Рюкзаки оставим здесь, сейчас есть дела поважнее, – скомандовал Николай.

– Погоди. А если все же... – неуверенно возразил Слава.

– Все вопросы – в бункере. Там и доложим, и дневник еще раз перечитаем. Авось прояснится что, может, старики и знают, кто в этой чертовой квартире жил.

Парень вздохнул, глядя на ребенка, уснувшего на застиранной куртке разведчика.

– Нехорошее у меня предчувствие, – проворчал он, – еще наплачемся.

– А что ты предлагаешь?! – неожиданно резко спросил Николай. Нервы не выдерживали того количества впечатлений, которое свалилось на этих двоих за последние пару часов.

– Да черт его знает. Оставить...

– Младенца? В разрушенном доме? Мутантам на съеденье? Да ты озверел, смотрю, совсем! – рявкнул старший. – Все, я сказал, в бункер. Там пусть Егор разбирается, хоть к тварям на улицу, хоть подушкой пусть придушит, а я такой грех на душу не возьму!

– Егор Михалыч нас с тобой за такое с потрохами съест. Ты о безопасности подумал? О своих детях? Или тебе выродок мутанта важнее? – взвился Слава.

– А не ты ли мне полчаса назад говорил, что мы ребенка не можем тут оставить? Я тебя первым спросил, тварь это или человек. И что ты мне ответил? Ребенок как ребенок. А теперь – задний ход? Два часа малыша на руках качали – давай его обратно выкинем, на съедение монстру за дверь. Ты на такое способен? Я – нет. Они мне потом все трое в кошмарах являться будут, мать, отец и малыш.

– А теперь посмотри ему в рот и подумай еще раз, – тихо сказал Слава, отводя взгляд.

Старший разведчик осторожно заглянул в приоткрытый рот младенца. Отшатнулся. Перевел взгляд на товарища, осознавая увиденное.

– И как тебе картина? У новорожденного ребенка уже есть шесть зубов. Отлично, да? А дальше что?

Славу разбирал истерический смех. Парень заходился нездоровым хихиканьем, не в силах остановиться, и в полумраке заброшенной квартиры этот звук казался жутким.

– Он – не монстр, – упрямо повторил Николай, не слыша ничего вокруг. – Мутант, но не монстр. Мы должны его спасти. Отнести в бункер. К людям. Он – человек. Его родители были людьми.

Парень резко вдохнул, пытаясь сдержать истерику и душащий ледяными руками страх, скривился от боли. Показал разорванную химзу и ранку, запекшуюся кровью.

– Это очень по-человечески, да? Когтями меня достала, мерзость такая. И яйцами тухлыми от нее пахнет. Очень на

человека похожа!

– Она была человеком, – горько прошептал разведчик. – Она была человеком.

Слава все смеялся и никак не мог остановиться. Николай без замаха ударил его по лицу.

– Прости, дружище. Иначе ты бы не успокоился, – примирительно сказал он. – Все. Надевай противогаз. Идем!

Дорога до бункера под зданием конструкторского бюро была совсем короткой. Пятьсот метров – и вот он, забор, за которым спасительные двери, безопасность и своеобразный уют подземного мирка на сто человек. Но эти метры стоили жизни многим разведчикам убежища КБ АТО.²

На крыше девятиэтажного дома, указующим перстом высившегося над разрушенными пятиэтажками, обосновалась крылатая тварь, не брезговавшая закутанной в резину человечиной. Защитой от нее служили лишь высокие деревья, и на какое-то время дорога сквозь чащу стала для сталкеров спасением. Но без веской причины ни один здравомыслящий разведчик туда не совался.

Под сенью деревьев было сыро. Раскачивались зыбкие тени – то ли порыв ветра шевельнул тяжелые ветви, то ли за деревьями скрывалось что-то неведомое и страшное. Повезет – проскочишь незамеченным, доберешься до спасительных

² КБ АТО – Конструкторское бюро автотехнического оборудования, предприятие в г. Мытищи.

дверей. Не повезет – окажешься навсегда погребенным в сумраке переплетенных лиан и ядовитых цветов. Останешься пропавшим без вести в памяти выживших мытищинцев, а что с тобой стало, никто и никогда не узнает.

Неизвестность страшнее всего. Как темная комната, полная теней и шепота. Что там, за порогом? Ветер вздохнул? Или нет? И не разглядеть, не узнать. Только стоять, замерев от животного страха, ожидая своей участи. Не темноты боится человек. Неизвестности.

Сталкеры замерли под покосившимся козырьком подъезда, прислушиваясь. Небо затянуло тучами, накрапывал дождь, шурша опадающей листвой. Ветер забивался под химзу, холодил взмокшую спину. В воздухе вместе с дождем в свете фонарика плясали крохотные снежинки. Скоро зима...

Сквозь туманное марево ночи не видно было, что творится в десяти шагах. Упустили момент, не вернулись вовремя, и их застал дождь. Но надо идти, на востоке тучи светлее, близится рассвет.

Николай приник к окулярам прибора ночного видения, стараясь разглядеть, не караулит ли их летучая бестия. Не видно. Ни черта не видно. Подождать бы, но нельзя, за спиной, в подъезде – тварь, в любой момент готовая броситься из темноты, располосовать когтями, оборвать последний крик.

На руках старшего тихо сопел младенец. Только бы не

проснулся...

Слава переминался с ноги на ногу, нервничал. Стылый ветер ухал в водосточных трубах, нагоняя жуть. А до дома – всего пятьсот метров. Десять минут бегом, а там – безопасность, теплый ужин, постель...

– Через лес? – нарушил тишину Николай, кусая губы под маской противогаза.

– Лучше не надо. Авось проскочим? – заплетающимся языком выговорил Слава.

Эмоции зашкаливали. А ночь почему-то казалась особенно страшной. Сколько таких ночей, то ясных, то дождливых, то по-зимнему мрачных разведчики провели в разрушенном городе, сколько раз прятались от мутантов, отстреливались от летучей бестии с крыши дома пятнадцать по улице Попова.

После десятой вылазки казалось, что уже ничто не сможет напугать. После сотой – руины микрорайона стали родными, знакомыми, каждый дом, каждый сантиметр пространства был изучен до мелочей. Здесь – пригнуться, минуя ядовитую лиану, свисающую с крыши магазина, там – отойти в тень перевернутой рыночной палатки, чтобы пролетающая над головой крылатая нечисть не заметила добычу. Возле детской поликлиники свил свою паутину паук, и это место стоит обходить стороной, а за поворотом часто бродит стая собак... Все понятное, простое и привычное сегодня вдруг стало чужим.

В этом районе Николай вырос, ходил в детский сад, потом через лесопосадку – в Институт леса, на факультет естественных наук. Потом работал в филиале Мытищинской энергосети... Каждое утро садился в ярко-желтый автобус с номером 13. Ехал мимо центральной больницы, городского парка, красивого белого храма Рождества Христова с золотым куполом...

«Сейчас ни за что бы в такой не сел, суеверным стал!» – смеялся потом Николай в кругу друзей.

Родной микрорайон, Леонидовку, он знал, как свои пять пальцев. Во время первых вылазок на поверхность это знание спасло оказавшихся в бункере жителей района. Ведь им были известны все магазины, склады и торговые центры, где можно было поживиться тем, что сохранилось после Катастрофы.

А сейчас город в одночасье стал страшным. Даже родной подъезд дома 14, последней из сохранившихся пятиэтажек, столько лет служивший надежным укрытием, перестал быть безопасным...

Время шло, а сталкеры не двигались с места, обратившись в слух.

В подъезде за их спинами слышались тяжелые шаги. Бестия проснулась...

– Валим! – в панике крикнул Славик.

Ох, не к добру... Разведчики обнаружили себя. Теперь оставалось только бежать. Бежать и не останавливаться,

лишняя секунда могла спасти жизнь.

Они неслись по дороге вдоль самой кромки леса. Бывшая лесопосадка отвоевывала себе все жизненное пространство, сминая железнодорожные пути и гаражи, подбираясь к домам.

Сзади ломались ветки, тварь настигала разведчиков, продираясь сквозь кусты. Она была явно быстрее. Сокращала расстояние.

Сверху послышался знакомый до дрожи вопль. Летучее чудовище проснулось.

События развивались мгновенно. Разведчики нырнули в тень деревьев и помчались наугад. Мутант выскочил на дорогу. Сверху спикировал крылатый монстр.

Позади людей послышались гипнотические завывания. С нисходящей интонацией. Сверху – вниз, сверху – вниз. Тревожное глиссандо завораживало, лишало воли к сопротивлению.

Слава оступился, споткнулся и полетел в прелую листву, тихо матерясь сквозь зубы. Николай остановился рядом, баюкая проснувшегося ребенка. Только бы тот не закричал.

– Баю-бай, баю-бай, – тихо бормотал мужчина, прижимал малыша к себе. – Сейчас будем дома.

Еще триста метров. Бетонный забор уже виднелся впереди, осталось совсем чуть-чуть. Успеть, лишь бы успеть.

Молодой разведчик поднялся, замер, прислушиваясь. Взвизгнула летучая бестия, и все стихло. Был слышен только

шепот дождя в листве.

Светало. Тени становились длиннее и четче.

Одна из теней шевельнулась не в такт остальным. Отчего-то в противоположную сторону. Заметил краем глаза. Обернулся – ничего нет.

Но стоило отвернуться – и тень вновь задвигалась отдельно от других. В иррациональном страхе обернулся опять. Хрустнула ветка под ногой.

Кажется, тень была у третьего дерева. Почему же показалось, что она ближе? В самом деле, ерунда. Отвернулся. Теперь у второго от них дерева. Она ближе. Черт побери, ближе!

– Бежим, – сдавленно прошептал Николай. – Скорее, бежим.

Он тоже видел тень. Нестрашную, обычную. Это дерево отбрасывает ее в зыбком предрассветном сумраке.

Слава в панике осветил фонарем деревья. В дорожке света тени исчезли. Но одна отчего-то задержалась. На долю секунды, на мгновение.

Сердце заколотилось, пропустило такт и запрыгало где-то в горле. Под противогазом было липко от пота и частого дыхания.

Разведчики сорвались с места и бросились прочь, ломая ветки, – скорее под землю, в спасительный бункер. До двери оставалось двадцать шагов. Десять.

Молодой сталкер не выдержал и обернулся. Кромка леса

осталась позади. Под деревьями метнулась хорошо знакомая фигура – бестия. Теперь она знала... Она все знала...

Ребенок на руках у разведчика закричал, будто прощаясь. Тварь остановилась, вскинула голову, встретилась взглядом со Славой, кивнула, словно разумная, благодаря.

Теперь юноша был точно уверен, что беды только начинаются...

Николай уже нырнул на лестницу, ведущую к двери, застучал условным стуком. Секунды растягивались в вечность, пока, наконец, им не открыли.

Крохотный подземный мир встретил своих жителей знакомыми запахами и звуками, а гермодверь из толстого тяжелого металла надежно защитила их дом от ужасов внешнего мира.

– Командира бункера сюда, срочно! – выговорил разведчик, без сил сползая на пол по стене.

Часовые смотрели на них со смесью страха и любопытства. Ребенок на руках Николая надрывался криком.

– Что за...? – выговорил, наконец, один из них.

– Потом. Пожалуйста, позже... – простонал Слава.

Пока прошли дезактивацию, начальник бункера успел дойти до внутренних гермодверей. За его спиной в коридор стекались любопытствующие.

– Ильич, ты чего чудишь? Часовых мне перепугал, Вася влетел ко мне с глазами по пять копеек, руки трясутся, говорит, там, у дверей, вызывают, – начал Егор Михайлович и

осекся, увидев ребенка на руках у сталкера.

— Это ты там со страху родил, что ли? — заикаясь, попытался пошутить командир. Шутка улетела в молоко.

— Такие дела, Егор... — начал разведчик. — Понимаешь, такое случилось, не увидишь — не поверишь...

— Пойдем в кабинет, поговорим, — кивком головы пригласил начальник.

* * *

Егор Михайлович Коровин, лысеющий коренастый мужчина с темными суровыми глазами, начальник бункера автоконструкторов, наконец, оторвался от чтения и растерянно осмотрелся вокруг.

— От те здрасте... — хмыкнул он, откладывая дневник, найденный в квартире. — Я тебе сейчас перескажу, как понял, а ты меня, в случае чего, поправь. Под Гуманитарным институтом в Москве, на Мичуринском проспекте, был бункер, в котором не работала система фильтрации. Когда по нам шмякнули, в этом бункере спаслись студенты и преподаватели института. Но — радиация же! Их командир назначил себе из студенток заместительницу, некую Марину Алексееву, которая вот тут, на фотографии. Она добыла в НИИ экспериментальной фармацевтики пластохинон, вещество, которое задумывалось как препарат от старости, он мог замедлить метаболизм и приостановить мутации. Все бы ничего,

но радиация и этот пластохинон оказались плохо совместимы, и как только его перестали принимать, детишки бункера мутировали в кровожадных тварей и сожрали всех взрослых, старую гвардию этой самой Марины. Тьфу ты, если бы у меня в бункере был детский сад, я бы первым рехнулся. В это же время чисто случайно там нарисовался некий Женя Иваненко, старый знакомый нашей Марины. Он устроил диверсию, но обломался и подыхает от лучевой болезни. А Марина тем временем мутирует в очень злого монстра и съедает своего хахалю. Но этот товарищ успевает заделать ей ребенка, которого мы сейчас и видим. Марина добирается до Мытищ, своим ключом открывает квартиру, которую мы двадцать лет взломать пытаемся, рождает там ребенка и окончательно теряет все человеческое, что в ней было. Тут появляетесь вы со Славиком и находите ребенка. Я все правильно сказал?

– Да вроде так... – протянул разведчик, глядя в пол.

Егор Михайлович потер ладонями виски, размышляя.

– То есть, у нас в окрестностях появилась очень хищная тварь, которая раньше была человеком и жила в семьдесят девятой квартире в доме четырнадцать, вы притащили в бункер ее зубастого ребенка... и?

– Что «и»? Она просила его спасти. Записка от нее вот, корявым почерком написана: спасите сына, он – человек. По виду – похож. Да, с зубами. Но не монстр.

– И что ты мне прикажешь со всем этим делать, Коля? – строго спросил начальник. В его глазах блеснула сталь.

– Оставить ребенка, найти ему кормилицу, вырастить в память о нашей землячке.

– То есть, тебя вот ни разу не смущает то, что я сейчас пересказал? Что люди превратились в мутантов, кровожадных тварей, одна из них притащилась сюда, а вы принесли в бункер ее отпрыска? А если он заразный? Если мутант? Если он через десять лет вырастет в монстра и сожрет нас всех, как это сделали такие же милые детки в бункере Гуманитарного института? Ты так спокойно это все предлагаешь... А мне что делать? – раздраженно спросил начальник. Груз неприятного решения давил, тревожил: что делать, как поступить? По совести? По разуму? Или как-то иначе?

– Егор, если пластохинон так действует, то это величайшее открытие современности. Если ребенок останется здесь, мы сможем... Сможем исследовать... – Николай запнулся, смутился, пытаясь оправдаться.

– Исследовать? Коля, нам не до исследований, ты это понимаешь? Ты уже сколько лет мечтаешь выбраться в Москву, в какую-нибудь лабораторию забраться, натаскать сюда пробирок и опыты ставить, а мне людей кормить нечем. У нас продукты на исходе, впереди зима, если входы завалит, хрен куда до весны вылезем. Ты открытиями бредишь, а я просчитываю, как нам не сдохнуть с голоду. Ты романтик, да... Спасти ребенка. Прекрасно! А если он опасен, что станет с нашими детьми?! – Егор Михайлович говорил сурово, жестко, но в его глазах было отчаяние.

– Егор... Мы ведь не можем так оставить ребенка, не обратно же его тащить? – жалобно возразил разведчик.

– А если я тебе прикажу сейчас отнести его обратно? – тихо, устало спросил командир.

– Там и останусь, вместе с ним. Подамся на Метровагонмаш, в их убежище, попрошу помощи. И никому не расскажу, что это за ребенок. Скажу, дед я ему.

– Ну, знаешь, Коля! Если ты готов ради этого ребенка наш бункер предать, то ладно, была – не была, пусть остается. Под твою ответственность. А с тобой разговор еще будет. Ты меня в гроб загонишь, Ильич. Я и так от всего этого поседел и облысел, а тут ты еще. Ребенка отдай нашим мамочкам, пусть приглядят. И медик пусть его осмотрит. А сам уйди с глаз долой, чтобы я тебя до вечера не видел, а то сорвусь. И не дай бог что-то из-за этого выродка не так пойдет, я с тебя шкуру спущу, каким бы другом ты мне ни был. Иди, – приказал начальник, отворачиваясь к стене. Его грузом придавило принятое решение. И душа была не на месте. Мучили дурные предчувствия...

Глава 2

Женя

Декабрь 2033

– Руки можете освободить, я адекватна, – усмехнулась женщина, сидевшая на стуле напротив немолодого мужчины в военной форме.

Ему было лет пятьдесят, пронзительно-серые глаза смотрели спокойно и равнодушно. На нем был идеально выглаженный китель, и его собеседнице это показалось таким странным и пугающе непривычным в грязном, погибающем мире, что по спине пробежал холодок.

– Освободите, – кивнул военный.

Женщина выглядела жутко. Изможденная, усталая, с пожелтевшими синяками по всему телу. Она была неестественно худая, спутанные волосы падали на лицо. Казалось, ее совсем не смущало отсутствие одежды и пристальные взгляды мужчины в форме и часовых, застывших у двери.

– А если я сейчас брошусь на вас? Поверить мне было очень опрометчиво, – заметила женщина, вновь растягивая растрескавшиеся губы в кривую усмешку.

– Привязать обратно? – спокойно спросил офицер.

– Не стоит, я шучу, – ответила она, поглаживая запястья,

на которых коркой запеклась кровь.

– Вам, наверное, любопытно, что с вами случилось? – поинтересовался мужчина.

– Все, что мне было интересно, я уже узнала, – женщина задумчиво посмотрела на капельку крови, выступившую из незажившей ранки на руке. Казалось, ей было совершенно все равно, что происходит вокруг.

– Ну, тогда позвольте представиться, полковник Андрей Сергеевич Рябушев, начальник бункера военной части сорок один двадцать семь систем связи противовоздушной обороны.

– Хреново работали, товарищ полковник, – пленница подняла глаза. – ПВО подкачало двадцать лет назад.

– Ну-ну, будет вам, все быльем поросло, мы сейчас не о нас, а о вас, – мирно улыбнулся начальник, но в его голосе проскользнули ледяные нотки.

– Обо мне... О, ваш бункер уже месяц только обо мне и думает. Много чести, – съехидничала женщина.

– Ну-ну, Марина Александровна, перестаньте. Мы искренне заинтересованы в вашем присутствии здесь.

Пленница провела пальцами по темному следу на боку, поморщилась и снова взглянула на офицера.

– Так заинтересованы, что электрошоком сюда загоняли, а потом избивали бессознательное существо? – холодно спросила она.

– Это были крайние меры, вы были очень против посе-

щения нашего убежища в вашем прежнем... ээээ... состоянии, – полковник играл с ней в игру, не снимая маски притворной вежливости. – Вы, наверное, голодны?

– Надо думать, да.

Рябушев кивнул кому-то за плечом Марины, и спустя минуту перед ней появились две тарелки, одна с тушеными овощами, другая – с куском сырого мяса.

Свежая кровь издавала такой запах, что у женщины на мгновение помутилось в глазах.

«Нет, нет, нет! Не хочу, не надо, уходи! – кричала она самой себе, своему злобному и кровожадному альтер эго, загоняя его в глубины сознания, туда, откуда его и в прошлый раз вызвал голод. – Убирайся прочь, я человек, я не хочу больше крови!»

Полковник смотрел на нее, выжидая. Наконец, инстинкт взял верх.

Марина очнулась от забытья, ощущая на губах вкус сырого мяса. Тарелка с рагу осталась нетронутой. Женщина вздрогнула, до боли стиснула кулаки. «Нет, нет, нет! Я не монстр, не монстр! Это случайность!» – уговаривала она саму себя.

Андрей Сергеевич продолжал наблюдать, оперевшись подбородком на скрещенные пальцы, невозмутимый и спокойный.

– Что и требовалось доказать, – наконец, заговорил он. – Вам не интересно, кто вы?

– Я – человек! – выкрикнула Марина, на мгновение потеряв самообладание.

– Ошибаетесь. Вы только что доказали, что это не так. Люди не едят сырого мяса.

– От голода люди едят все что угодно! – женщина хотела говорить тихо, но предатель-голос сорвался.

– Перед вами стояли еще и овощи. Но вы выбрали мясо. Вы – монстр, Марина. Тварь. Кровожадный мутант, – бесстрастно заметил полковник.

– Это неправда. Я – человек, – пленница больше не поднимала глаз, сгорбившись на жестком стуле.

– Почему же вы тогда кричали, что не хотите быть человеком? Спрашивали, за что вам это? – Рябушев бил по больному, задевал те струны души, которые хотелось спрятать в самый дальний угол и никогда их не касаться.

– Что вы со мной сделали? Как вам это удалось?! – Марина вскочила, но бдительные часовые тут же усадили ее обратно и защелкнули на руках браслеты наручников.

– Вы же говорите, что знаете все, что хотите знать. Выходит, не так? Вы знаете то, что вам рассказал ваш... сокамерник, если угодно. Мальчишка-смертник, шпион из бункера автоконструкторов, шатался по нашей территории, якобы заблудившись, был пойман, допрошен и признался, что выполнял секретное поручение Егора Коровина, начальника бункера бюро автотехнического оборудования. Он пытался отыскать ваш дневник – как видите, в вас заинтересованы

не только мы. Впрочем, думаю, он сам все расскажет. Если останется жив.

– Сейчас не о нем, – раздраженно бросила Марина. – Что вы со мной сделали?

– Ну-ну-ну, – недовольно протянул Андрей Сергеевич. – Вы слишком много себе позволяете. Здесь я решаю, что и кому говорить, поняли меня? Если вы будете себя хорошо вести, то, возможно, я расскажу вам о ходе нашего эксперимента.

– Иди к черту! – потеряла остатки вежливости женщина.

– Фу, как грубо. Давайте условимся так: когда эксперимент завершится, я расскажу вам то, что вы хотите знать. Дураку половину работы не показывают, сейчас мне не хватает данных. Послезавтра утром, думаю, все встанет на свои места. А сейчас – уведите.

Конвоиры подняли Марину со стула. Она повернула голову и в большом зеркале увидела себя. С трудом сдержала крик.

– Рубашки пожалели, командир? Бабу по коридорам голый водите, – горько прошептала она, отворачиваясь.

– Тварям с поверхности одежда ни к чему, – холодно бросил полковник. – Уведите.

* * *

Дверь камеры захлопнулась. Из темного угла на женщину

смотрели огромные испуганные глаза.

– История повторяется по кругу, – пробормотала Марина. Она села на холодную жесткую кровать и поджала под себя ноги.

– Как я не сдохла-то, а? Ну почему опять?! – женщина в сердцах ударила кулаком в стену и взвыла от боли.

Из темноты доносилось частое дыхание, пленница почти физически ощущала липкий и осязаемый ужас, которым была наполнена их тюрьма. Марина неожиданно для себя разлилась, не зная, кого она больше ненавидит, себя или этого несчастного, напоминавшего ей о том, что она все еще хищная тварь.

– Прекрати сопеть. Иди сюда! – раздраженно бросила женщина через плечо.

В углу завозились, слышались всхлипывания. Парень отчаянно боролся со страхом, однако в конце концов повиновался и подошел. В пляшущем свете лампы Марина разглядела юношу. Симпатичное некогда лицо было перекошено от страха, губы разбиты, карие бездонные глаза на исхудавшем лице казались непропорционально огромными, темные грязные волосы падали на лоб. Заляпанная пятнами светлая футболка была во многих местах разорвана, через бровь тянулся тройной шрам.

– Это ты, значит, шпион. Не очень-то ты похож на крутого разведчика, дружок, – раздражение прошло, уступив место сочувствию.

Мальчишка казался совсем юным, выглядел жалким и испуганным, совершенно несчастным.

– Как тебя зовут? – уже намного мягче поинтересовалась Марина.

– Женя, – прошептал он.

Тьфу ты, черт, история действительно повторяется. За закрытой дверью жалкий, болезненный Женя и она, Марина, то ли человек, то ли монстр, кто бы понял...

– Это я тебя так? – тихо спросила женщина, отворачиваясь.

– Да.

– Прости...

– Кто вы?

Алексеева резко обернулась.

– Это ты меня спрашиваешь? А товарищ полковник считает, что как раз твоя задача – рассказать мне, кто я! – в сердцах воскликнула она.

– Вы? Я не знаю, кто вы.

– Ты меня боишься. Я по глазам вижу, вы все боитесь, и полковник боится, и те, кто был рядом раньше. Я – не человек, так ведь ты думаешь? Омерзительный монстр, расположила тебе лицо? Страшно тебе, мальчишка? – горько спросила женщина.

Ей хотелось кричать и кусаться, выплеснуть отчаянье и бессилие последних дней, проклиная жизнь и природу, хотелось плакать, вопить так, чтобы слышал весь этот спятив-

ший мирок.

Парень посмотрел на нее с внезапной жалостью в глазах. Его еще почти детское лицо стало вдруг серьезным, внимательным.

– Страшно, – твердо ответил Женя. – А еще страшнее от того, что я все видел. Я был рядом с вами от начала до конца. Вы не человек, Марина. Вы нечто большее, вы – будущее.

Алексеева скривилась, недовольно повела плечами.

– Оставь свой дешевый пафос, мальчик, – ей не хотелось вслух повторять его имя, имя из своих страшных снов.

– Это не пафос. Эксперимент полковника Рябушева направлен на проверку действия пластохинона. Ваш дневник у них. Они все знают.

– Все знают, – эхом повторила Марина. – Как они могут знать то, что не знаю даже я? Откуда им известно про эс-кей-кью-один больше, чем мне?

– Марина, послушайте...

Женщина коснулась его теплой руки. Парень отшатнулся, но пересилил себя и взял ее за руку.

– Ты слишком много знаешь для простого разведчика, который заблудился возле военной части, – спокойно сказала Алексеева, глядя ему в глаза. – Ты не просто так оказался здесь, правда ведь, Женя?

– Ваш ребенок находится в бункере конструкторского бюро. Это там, где...

– Я знаю, где этот бункер, двадцать лет жила в этом го-

роде, – резко перебила Марина. – Значит, те ребята-сталкеры все-таки спасли моего мальчика. И притащили его в бункер конструкторского бюро. И как же отреагировало ваше командование?

– Отец разрешил оставить ребенка у нас.

– Отец? Так ты – сын начальника бункера? Ну что же, все сходится. Тебя отправили в разведку, а точнее – выкрасть блокнот, пока вояки не вычитали там что-нибудь интересное. А ты, как молодой герой, естественно, вызвался сам. Сколько тебе лет? Семнадцать, двадцать? Мои юнцы в бункере так же рвались на подвиги...

– Вы правы. Мы пошли отрядом вызволять дневник. Отец велел разведать обстановку... И все погибли. Я не знаю, как это называется... Они помешались и начали палить друг в друга. А я бежал, не остановил их. И решил закончить задание сам. А потом попался. Почти в тот же день, что и вы.

– Наивный мальчик. Шататься по городу в одиночку – очень смело и очень глупо. Надо полагать, мою историю до мутации ты прекрасно знаешь? В дневнике очень подробно описано, как я пыталась спасти мой тонущий корабль, – голос женщины звучал слишком спокойно, а в глазах полыхал огонь.

– Да. Я знаю. Вам же интересно, что было потом?

– Какой догадливый мальчик. Ты же понимаешь, что уже не жилец? Смертник... – с жалостью прошептала Марина. Ей почему-то был очень симпатичен этот парень с испуган-

ным лицом и огромными глазами.

– Я знаю, – Женя отвел взгляд, не желая, чтобы она видела его страх. – Но я не хочу, чтобы мое участие в этом эксперименте завершилось так, как хочет этого Рябушев.

– Не томи, дружок, чего там хочет полковник?

Парень мялся, не знал, как сказать. Ему было жутко зачитывать свой собственный смертный приговор.

Марина смотрела на воспаленные шрамы на его лице и отчего-то вспоминала вкус свежего мяса.

– Нет. Нет. Этого не может быть, – ее вдруг осенила догадка. – Никогда. Я – человек, не монстр, не тварь.

– Один из этапов эксперимента – проверить, насколько устойчивы изменения. Известно, что под воздействием голода на поверхность всплывают хорошо забытые инстинкты. Рябушев рассчитывает именно на этот эффект, – наконец тихо сказал Женя. Он смотрел на женщину не отводя глаз, и ему было бесконечно жалко ее. Странное, безумное чувство – сострадание к той, что должна была, по замыслу полковника, стать его палачом.

– Не дождется...

– Марина... – парень стиснул ее руку. – Он дождется. Женщина вырвала руку, отшатнулась.

– Не смей так говорить. Я – человек! – крикнула она.

Парень опустил на корточки рядом с ней, сжал ее ледяные ладони в своих, теплых.

– Вы не помните, что с вами происходило. А я помню. В

вас течет моя кровь. Та капельница, один из методов вашего возвращения, переливание крови. Если я должен умереть так, это лучше, чем быть расстрелянным вояками... – прошептал он.

Женя закатал рукав. На сгибе локтя красовался синеватый след.

Марина замерла, тупо уставившись на его руку.

– Не говори так никогда. История повторяется. Женя, другой Женя, из бункера в Раменках... Я изувечила его и добила... Страшно... Как же страшно... – бессвязно зашептала она.

– Даже если так, что мы изменим? Ничего. Я не хочу, чтобы вы видели, как я боюсь. Хочу умереть храбро. Вы – будущее, и умереть ради такой цели куда благороднее, чем сдохнуть как собака под дулом автомата! – с каким-то юношеским наивным порывом воскликнул парень.

– Оставь свой героизм. Он никому не нужен, и тебе в первую очередь, – устало ответила Алексеева. – Это мы еще посмотрим... Человек – царь природы, сказал когда-то один мудрец. Я никогда не верила в это, но сейчас хочу поверить. Расскажи мне, что за эксперимент затеял полковник.

* * *

Месяц назад. Ноябрь 2033

Егор Михайлович расхаживал по кабинету из угла в угол, раздраженный, сердитый. Он залпом допил чай из кружки и стукнул ею по столу.

– И куда, черт бы вас подрал, делся этот дневник?! – начальник был невероятно зол.

Последние несколько дней в бункере автоконструкторов медленно, но верно накалялась обстановка. Найденный в закрытой квартире ребенок развивался слишком быстро. За считанные недели малыш успел настроить против себя половину жителей убежища одним только фактом своего существования. Женщины, ответственные за воспитание детей, спустя месяц отказались следить за младенцем. Они пришли к начальнику с просьбой освободить их от этой обязанности, старшая воспитательница кричала в голос, угрожая едва ли не бунтом, если мальчик останется в общей детской комнате.

Маленький Сергей Иваненко весело загукал в кресле, улыбаясь, показывая передние зубы.

Коровин обернулся, бросил взгляд на ребенка, передернулся.

– Коля, у него в месяц уже есть два передних зуба и шесть дальних. Что за дрянь ты нам приволок? Зачем этот ребенок здесь?

Николай Ильич сгорбился, опустил голову. На него спустили всех собак, и каждый житель бункера считал своим долгом высказать, что он думает по поводу сомнительной авантюры старого разведчика.

– Прости, Егор. Я не знал, что все так будет. Ребенок не опасен, он же не дает повода... Пожалуйста...

– Не опасен? Где ты видел нормальных детей, у которых в месячном возрасте прорезывались зубы? Коля, если что-то случится, это будет на твоей совести. Только потому, что ребенок не дает повода его убрать, он еще здесь. И тебя больше никуда не возьмут с этим бесовским отродьем. Людям безопасность важнее экспериментов. Впрочем, можешь податься к воякам. Они такую гадость любят, говорят, они даже мутантов каких-то ловили и в бункере своем держали, экспериментировали.

– Дай нам шанс! Пожалуйста, Егор, он же совсем малыш! Неужели ты можешь его убить? – взмолился разведчик.

– Убить? Если он станет опасен, я лично застрелю его. А сейчас моя самая большая мечта – избавиться от него, выкинуть на поверхность. У нас неспокойно, Коля. Со дня на день перестанет хватать еды, а дальше что? Народ у нас суеверный, времена тяжелые, скажут, что все из-за него, – начальник нервно дернул подбородком в сторону мальчика, – а потом полетят головы. Твоя и моя – в первую очередь. А у меня есть свой сын, и я не хочу, чтобы его линчевала толпа за грехи отца. Ты же видишь, я с трудом контролирую ситуацию, мы балансируем на краю пропасти. И если хоть один человек открыто потребует выкинуть твоего выродка на поверхность, я это сделаю!

– Дай нам шанс, – тихо, безнадежно повторил Николай.

Его прервал стук в дверь. Тяжелая створка приоткрылась, и на пороге показался молодой человек.

– Заходи, Жень, мы тебя ждали, – пригласил Егор.

В коридоре послышались легкие женские шаги.

– погоди минутку, – улыбнулся Евгений.

Дверь закрылась, и в комнате вновь стало тихо, только на кресле, закутанный в старую рубашку разведчика, гулил и улыбался зубастым ртом малыш...

Вновь оказавшись в коридоре, Женя столкнулся с женщиной. Моложавая, с короткой стрижкой, в камуфляжных штанах и рубашке, она тепло улыбнулась и поприветствовала парня.

– Улыбаться в другом месте будешь, – раздраженно заявил он. – И к отцу тебе сейчас лучше не заходить, нам с ним надо поговорить.

– Зачем так жестоко? – промурлыкала дама, кажется, совсем не обидевшись.

Женя с трудом подавил желание заехать кулаком по ее улыбающемуся лицу. Света, любовница отца. «Мерзкая блондинка!» – про себя выругался юноша. Сладкая, как сахар, улыбчивая, готовая всем помочь, она отчего-то невыносимо раздражала младшего Коровина. Опытный, несмотря на юный возраст, разведчик, он привык доверять интуиции, а сейчас она била в набат. «Ты ревнуешь, Женя, – усмехался отец в ответ на жалкие попытки парня поговорить с ним. – Света была рядом, когда умерла твоя мама, она всегда гото-

ва поддержать и помочь, разве она плохая, взгляни?» Они смотрели, как Светлана ласково улыбается всем и каждому, вездесущая, постоянно при деле – чудо, а не женщина. Но Евгению отчаянно хотелось ее придушить. Он стыдился этого иррационального, злого чувства, но справиться с собой не мог.

– Затем, что воду мутить будешь в другом месте, поняла? – бросил Женя, вжимаясь спиной в дверь отцовского кабинета, лишь бы избежать ее прикосновения. – Ты думаешь, если всем клушам на мозги капать, чтобы ребенка из бункера выкинули, они соберутся и продавят отца? А вот шиш тебе, отец оставит малыша здесь!

– Женечка, что ты, я никогда ничего такого не говорила! Чудесный малыш, Николай Ильич поручился за него, да и твой отец – разумный человек, он сам примет нужное решение, – заулыбалась Света.

– Я тебе не Женечка! – взвился парень. – Отец примет верное решение, да. Когда ты ему в постели на ухо нашепчешь малыша на улицу выставить. А за ним и дядя Коля пойдет.

– За что ты меня так ненавидишь? – всхлипнула женщина. По ее щеке покатилась одинокая слезинка.

– Прекрати ломать комедию! – рявкнул Женя.

Светлана зарыдала и влетела в кабинет начальника бункера. Парень вбежал вслед за ней.

– Егор, за что он так со мной?! – женщина бросилась в объятия командира. Тот прижал ее к себе, поглаживая по

спине, и недобро взглянул на сына.

– Что еще случилось? Евгений, объяснись! – сурово потребовал Егор Михайлович.

– Отец, она опять! – по-детски обиженно выкрикнул парень. Ему не хватало слов, а ситуация вдруг показалась очень глупой.

– Егор, он кричит на меня, обвиняет в том, что я хочу избавиться от ребенка-мутанта! – всхлипнула Света, прижимаясь к плечу старшего Коровина щекой.

– Отец, она подговаривает женщин бунтовать, она... – Женя задохнулся от возмущения.

– Сколько раз, сволочь ты малолетняя, я тебе говорил не трогать Свету?! Свои проблемы оставь при себе, она – женщина, а ты – маленький паршивец! Обидел слабую, беззащитную, она слова плохого никому не сказала никогда! – вспыхнул Егор Михайлович.

– Но она же... – уже гораздо тише выговорил Евгений.

– Егорушка, не надо, пожалуйста, мальчик не виноват, он до сих пор не может простить мне, что я рядом с тобой после смерти Наташи, – мягко прошептала Светлана на ухо мужчине.

– Не смей называть имя моей матери! Ты недостойна его произносить! – крикнул Женя, бросаясь к отцу.

Его перехватил Николай, аккуратно обнял за плечи, отвел в сторону.

– Давайте успокоимся. Всем нелегко, у всех сейчас нервы

на пределе. Жека погорячился, правда ведь? Тебе не стоило обижать Светлану, она и правда желает всем добра. Егор, ты тоже не кричи, у парня юношеский максимализм играет, да и устал он, на поверхность чаще других выбирается. Не будем ссориться, – попытался уладить конфликт разведчик.

– Дядя Коля, и ты туда же? Ты не веришь мне? Она же хочет избавиться от малыша! – крикнул парень.

– Жека, не горячись, никто от ребенка избавляться не будет. Присядь, мы поговорим все вместе, все решим! – Николай отчаянно желал спасти ситуацию. Он знал, что Егор, вспыльчивый, но отходчивый, сейчас может наговорить много такого, о чем потом горько пожалеет.

– Егорушка, не наказывай сына, пожалуйста! – тихонько сказала Света, не разжимая объятий.

– Наказывать?! Меня?! Из-за тебя?! – Женя расходился все больше, пытаясь вырваться из крепких рук Николая.

– Тебя, тебя! Совсем обнаглел от безнаказанности, сосунок! – зарычал начальник бункера. – Думаешь, раз ты мой сын, я тебя не трону? С глаз долой иди, позже с тобой разберусь!

Евгений бросил испепеляющий взгляд на отца и его любовницу и выскочил из кабинета.

– Совсем осатанел, паршивец. Что он тебе сказал, Светик? – уже спокойнее спросил Егор.

– Он обвиняет меня в том, что это я подговариваю женщин потребовать выкинуть ребенка из бункера, но это не

так! Мы просто обсуждали последние новости, – Света окончательно успокоилась и перебралась в кресло. – А у вас тут что-то случилось?

– Мы дневник Марины Алексеевой потеряли, – устало ответил начальник, закуривая.

– Тот самый? Как жаль! А кто его брал в последний раз?

– Доступ к моему сейфу есть у меня, у Коли и у Жени, больше никто кода не знает.

– Женя пару дней назад вместе со Славиком читал этот дневник. А потом Слава ходил на поверхность, – будто невзначай бросила Светлана.

– Женя? Ты думаешь, это он взял? – удивленно и растерянно спросил командир.

– Я ни на чем не настаиваю, – вкрадчиво проговорила женщина, – Но последним, кто брал дневник, был твой сын. Мало ли, куда он его дел? Может, он отдал его Славе, а тот потерял его наверху?

– Зачем бы ему было выносить дневник на поверхность? – вставил Николай. Слава был разведчиком из его отряда, и ему очень не хотелось, чтобы на того упала тень.

– Ну, как – зачем, – нежно усмехнулась Света. – За такие дела на поверхности неплохо платят. Думаю, если вдруг у Славы внезапно появятся деньги, стоит пристально понаблюдать за ним. Военные из своего бункера раз в неделю выходят на поверхность – выкупить интересные вещицы у жителей трех наших бункеров. Два дня назад был ярмарочный

день в старом здании торгового центра на станции Мытищи. Вояки увлекаются всякого рода экспериментами, а этот дневник описывает очень любопытные вещи, особенно пластохинон...

Егор решительно поднялся со стула.

– Славу Мальцева ко мне! – крикнул он за дверь.

Глава 3

Эксперимент

Женя влетел в комнатушку, которую они делили с разведчиком Славой, без сил упал на кровать.

– Ты чего? – Мальцев сидел на кровати с книгой. Он только утром вернулся из очередной экспедиции на поверхность и теперь наслаждался заслуженным отдыхом.

– Да Светка опять... Теткам нашим мозги прочищает. «Ребенка – на поверхность, он – мутант, мало ли что...» Тыфу. Коза, – в сердцах выговорил парень, глядя в потолок.

– А ты, значит, считаешь, что это нормально – поселить в бункере зубастую тварь?

– Он – не тварь. Он – человек. Да, немного быстрее развивается, но что с того? Если бы Марина была в здравом рассудке, она бы многое нам рассказала, а так ее дневник, по моему, все доходчиво объяснил. Если бы малыш был кровожадным монстром, он бы таким и появился на свет, – возразил Женя, не глядя на товарища.

– Ты видел этого мутанта? Ну, который Марина. Как непривычно нормальным именем звать хищную гадость, ты бы знал. Нога до сих пор толком не заживает, врач сказала, какую-то дрянь занесли, разодрала она меня – мама не горюй. Еле дохромал тогда до дома, вся повязка в крови была.

Ты хоть раз ее видел?

Слава поежился, вспоминая страшную дождливую ночь, когда они с Николаем нашли злополучный дневник и ребенка.

– Видел краем глаза. Мелькнула возле четырнадцатого дома, скрюченная, шерсть на загривке дыбом, и глаза мутные, в половину морды. Страшная такая. Но можно угадать, что когда-то это был человек.

– Человек... Да, на фотографии девочка что надо. А у меня крыша едет, как начинаю об этом думать. Не дай бог ребенок во что-то такое превратится, – Слава вздрогнул, суеверно постучал себя по лбу.

– Да даже если так, мы с тобой вчера в дневнике прочитали еще раз – пока мутация завершится, пройдет не меньше трех дней, как это было у детей в бункере Гуманитарного института. Если Сережа начнет мутировать, мы его успеем вернуть на поверхность. А пока что – это ребенок, совсем малыш, и наверху он погибнет, – пытался убедить друга Евгений.

– Слушай, ты прикинь. Были вот люди, жили себе спокойно, никого не трогали, детей растили, новое общество строили, науку и культуру развивали, в общем, все у них хорошо было. А потом – раз! – и стали все мерзкими тварями. Это же фантастика какая-то, такого даже в книжках не пишут, у кого ума хватит на такое? Только у природы. А Марина эта была раньше женщиной, а стала монстром. Это две разные

Марины. И сочувствовать ей нечего, сейчас она любого из нас вместе с химзой сожрет и не поморщится, – Славу начал раздражать этот разговор.

Такие речи звучали в бункере уже месяц. У людей в голове не укладывалась фантастическая история студентов из Гуманитарного института, а необъяснимое порождает страх. И страшнее всего было, оттого что на глазах у изумленных жителей убежища месячный младенец осмысленно глядел и улыбался, молча улыбался во все свои зубы.

– Слав, вот ты со мной вместе читал этот дневник, видел записки, которые писала Марина. Тебе ее не жаль? Мне вот жаль. Я хочу, чтобы ребенок жил хотя бы в память о ней. Она – человек. По крайней мере, когда-то была. И ребенок тоже, – в голосе Жени послышалась грусть.

Парень встал с кровати, зашагал по комнате, явно волнуясь.

– Это тебе Николай Ильич мозги промыл? Его слова – в память, жалко... Чушь какая, нам бы тут самим выжить, а тебе – жалко... – задумчиво и зло выговорил разведчик.

Евгений не ответил. В дверь постучали.

– Мальцев, тебя к командиру, – передал дежурный.

Слава встал с кровати и неохотно направился к двери, слегка прихрамывая.

– Если Светка еще там, то хрен ему покажи, – с обидой на отца напутствовал его друг.

– Скажи, Слава, куда ты ходил вчера? – вкрадчиво спросил Егор Михайлович.

– Как вы приказывали, на станцию, там ярмарка была в подвале торгового центра. Выменял у военных мяса и овощей, отдал лампочки. Отчитался старшему смены и пошел отдыхать, – удивленно ответил парень.

– Значит, все-таки военные... – задумчиво и грустно протянул командир. – И, видимо, наш дневник Алексеевой находится там же?

– Дневник? – удивился разведчик.

– Да-да, дневник, который ты продал военным, – сквозь зубы процедил командир.

– Егор Михалыч, да вы что, не трогал я ваш дневник. Мы с Жекой его вчера читали, а потом Жека его на место вернул, в сейф, – растерянно оправдывался парень.

– Если это правда, то сейчас мы вместе пойдем к старшему смены, мне доложили, что твой рюкзак еще не прошел дезактивацию. Если в нем обнаружатся патроны, то я буду точно уверен, что дневник взял ты, – зло и холодно ответил начальник.

– Егор Михалыч, вы что? Там только рожок к Калашникову, больше ничего, проверяйте.

Рюкзак действительно стоял нетронутым, смена дежур-

ных у дверей еще не успела его разобрать. Начальник кивнул, и дежурные в резиновых перчатках начали выкладывать на пол содержимое рюкзака. И на пол посыпались патроны, а следом за ними выпала фотография, запечатлевшая Марину и Евгения Иваненко на фоне моря...

– Что это? – разведчик был бледен, как полотно.

– Слава? Неужели это правда? – чуть слышно прошептал Николай, не веря своим глазам.

Парень в упор посмотрел на командира, но не смог выдержать презрительного взгляда. Он все понял. Оправдываться было бесполезно, его подставили, жестоко и цинично.

– Это не мое. Я не трогал, – прошептал Слава, отходя к стене.

Егор Михайлович вытащил из-за пояса пистолет.

– Егорушка, не надо! Это жестоко! – взвизгнула Светлана, повисая у него на руке.

Начальник оттолкнул ее.

– Последнее слово, предатель! – сухо потребовал Корвин, направляя дуло на разведчика и взводя курок.

– Егор, не надо! Ты не разобрался! Вдруг это и правда не он! – крикнул Николай.

Начальник перевел пистолет на него.

– Еще один писк, и я пристрелю тебя, мутантского выродка и эту мразь, всех вместе! – процедил он. – Последнее слово!

– Передайте Жене, что он был прав, – с трудом выгово-

рил Слава. Его светлые волосы, мокрые от пота, прилипли ко лбу, щеки побелели от ужаса.

Выстрел эхом разнесся под сводами бункера. Накалившуюся до предела ситуацию нужно было спасти кровью. И злые бесы человеческого гнева ее получили. Предатель был найден и казнен без суда и следствия. Тяжелое напряжение последних дней перед бурей лопнуло.

Женя влетел в комнату дезактивации, прежде чем от любопытных глаз закрыли дверь.

– За что? – прошептал он, бросаясь к другу. – Отец, за что?!

Егор Михайлович даже не взглянул на сына.

– Через десять минут жду у себя, – бросил он и вышел прочь. Следом Николай вывел плачущую Светлану.

– За что, Слава? – прошептал парень, глядя в невидящие глаза друга. На губах разведчика вздулся кровавый пузырь, он хотел что-то сказать, но не смог.

– Не прощу, никогда не прощу, – шептал Женя, баюкая на коленях мертвого товарища.

Через четверть часа юноша стоял в кабинете отца. У его ног лежал рюкзак с химзащитой.

– Назначаю тебя старшим. Цель – выяснить, правда ли дневник находится у военных. Если это так, надо найти способ его вернуть, – сухо сказал отец.

– Зачем ты это сделал, отец? – тихо спросил Женя, исподлобья глядя на командира.

– Он предал нас. Продался военным. Предателей надо расстреливать, – Егор не смотрел на сына.

– Без суда и следствия? У нас чрезвычайное положение? Как ты людям это объяснишь? Себе ты как объяснишь? – у юноши не было сил кричать. Его душило ощущение страшной потери, но и оно меркло перед необъяснимым дурным предчувствием. То ли еще будет...

– Надо будет – введем! Ребенка им оставить, дневник прочитать! На кой черт вы с Колей это все затеяли? Это не Света, это вы наше болотце замутили! Не сиделось вам спокойно, не жилось! Ты дров наломал, ты и разгребать будешь! – зло бросил Коровин.

– Мы вернули дневник в твой сейф. Славу подставили. И его смерть – на твоей совести, – устало повторил парень.

– Он последним видел дневник. Он ходил к военным, в его рюкзаке нашли патроны того образца, которыми расплачиваются вояки. Что мне прикажешь думать? Мальцев – предатель.

– Думай, что хочешь, но ты не судья. Ты – убийца, – Женя сделал шаг к двери.

– Уходи! – крикнул отец, теряя самообладание.

– Есть, – по-военному коротко ответил сын.

Через три часа выходили на поверхность.

Декабрь 2033

Марина присела на кровати, сжала голову руками.

– Тебе хуже? – тихо спросил Женя.

Как-то незаметно они успели перейти на «ты». В полумраке и тишине разговоры спасали, не давали сойти с ума в молчании.

Мальчишка-смертник и женщина-мутант, заключенные в одной клетке на забаву полковнику. Как гладиаторы на арене. Будет ли шанс?

«Будет ли у меня шанс? – думал юноша, внутренне сжимаясь от ужаса. – Я не хочу так. Не хочу умирать!»

Парень коснулся плеча женщины. Марина дернулась, оттолкнула его.

– Отойди! – выговорила она.

Глаза ее подернулись знакомой мутной пленкой, и в них проступало чужое, звериное, рвалось наружу, гонимое голодом.

– Ты – человек!

Говорить. Напоминать. Не дать забыть. Че-ло-век! Прозрачная надежда, шанс на спасение – не дать Марине сорваться, не дать звериному альтер эго вылезти на свободу.

– Уйди, – сквозь зубы выговорила женщина.

Она скатилась с кровати и отползла в угол. Села там, обхватив руками колени. Неровный свет керосинки обрисовывал ее вздрагивающий силуэт.

– Марина, говори со мной! Говори! – крикнул Женя, бросааясь к ней.

Он схватил ее за руки, заставил смотреть себе в глаза. Лицо мутанта все быстрее теряло человеческие черты, женщина скалилась, облизывая сухие губы. Ее можно было принять за пьяницу, тянущегося за бутылкой, за наркомана, в ломке готового убить за дозу.

– Говори со мной! – юноша ударил ее ладонью, раз, другой.

Пощечины привели Марину в чувство, взгляд прояснился. Она осмысленно посмотрела на парня.

– Прости меня, – выговорила она, пряча лицо в ладонях.

– Рассказывай мне что-нибудь, не молчи!

– Нельзя, – чуть слышно прошептала она. – Если заговорю, ты не сможешь сопротивляться. Женя, если я брошусь, убей меня. Я – чудовище. Не хочу. Не хочу...

– Пока ты говоришь, ты – человек! Не смей молчать! – голос парня предательски дал петуха.

– Нельзя! Женя, я – чудовище! – в полный голос сказала Марина.

Страшное, нисходящее глиссандо. Сверху – вниз. Сверху – вниз. Мысли в голове слипаются, залитые вязким клеем. Нет сил сопротивляться ужасу, он поселяется внизу живота,

ледяным кинжалом вонзается в лишенные сил руки. Только бы этот голос замолчал. Сверху – вниз. Кажется, что мозг стекает в ступни, делая их чугунными. Сверху – вниз. Некуда бежать...

Женя побелел и оперся на стену. Слипшиеся от пота волосы падали на глаза, тревожили незаживший шрам, но у парня не было сил даже поднять руку.

Марина сжала его запястье холодными цепкими пальцами. Прикосновение отрезвило, острый лед во внутренностях начал таять.

– Господи, мне страшно! – атеист Женя готов был молиться любым силам, лишь бы только ему позволили выйти отсюда. Прямо сейчас. Сейчас...

Спасительная дверь скрипнула, и парню на секунду почудилось, что бог услышал его слова.

В камеру вошел полковник, как всегда аккуратный, в своем неизменном выглаженном кителе. Марина затравленно взглянула на него из угла, цепляясь за руку Жени. Андрей Сергеевич смотрел на них с любопытством, так маленький ребенок смотрит в зоопарке на опасную змею за стеклом, со смесью страха и восхищения.

– Я смотрю, веселье только начинается, – усмехнулся полковник без приветствия. – Марина, как вы себя чувствуете?

– Рябушев, вы – урод! – выговорила женщина. Ее трясло в ознобе.

– Ошибаетесь. Урод – это вы. Мутант. Чудовище, как вы

правильно заметили. Сомневаюсь, что вы можете себя контролировать.

– Я – человек! – Алексеева кусала губы. Полковник внимательно смотрел на нее.

– А вот этого делать не стоит. Укусите себя до крови – сорветесь, – посоветовал он.

– Не сорвусь, – упрямо повторила Марина.

Рябушев подошел к Жене. Парень молчал, умоляюще глядя на него снизу вверх. Сейчас, казалось, он готов был выдать любые тайны, пойти на любые сделки, только бы спастись...

Мужчина ткнул его носком идеально вычищенного сапога, скривился с отвращением.

– Посмотрите на него. Ему страшно. Ему очень страшно. А вы к нему привязались, не так ли? Еще бы, хоть вы и были зверем, этот мальчишка круглыми сутками находился возле вас, пока шел эксперимент. Едва ли вы забудете это. И мне будет очень любопытно посмотреть, насколько тварь доминирует над человеком в вашем сознании, Марина. Хотя я почти на сто процентов уверен, что утром обнаружу кровь и кишки, раскиданные по стенам. Вы его растерзаете, сорветесь. Стоит вам на мгновение забыться, монстр возьмет верх, потому что вы голодны. За пять суток вы съели только тот жалкий кусок мяса в моем кабинете. Как вы думаете, надолго вас хватит?

Полковник смотрел на нее в упор, а ей хотелось броситься

на него и разорвать. Лучше его, чем мальчика. Впитаться зубами в пульсирующую на шее жилку. Терзать и рвать на куски теплую плоть. Нет. Нет. Не смей об этом думать! Нельзя!

Марина уткнулась лбом в колени, покачиваясь, уговаривая саму себя, отдавая команды подсознанию, как цепному псу. «Нельзя. Нет. Не думать об этом. Человек. Человек», – мысленно кричала она самой себе. Наконец женщина подняла голову. Рябушев молчал, по-прежнему глядя на нее.

– Заберите парня, – попросила Алексеева.

– С чего бы вдруг? – в притворном удивлении вскинул брови Андрей Сергеевич.

– Заберите его, и я признаю, что вы правы. Я – тварь, мутант. Я готова его растерзать. Пожалуйста, не доводите до такого, – в голосе женщины послышались плохо сдерживаемые слезы.

Марина удивилась самой себе. Она не плакала, когда выстрелила в своего любимого человека, не плакала, когда дети, ее любимые дети мутировали в страшных тварей, не плакала, уходя из бункера, который двадцать лет был ей домом, оставляя его темным, пустым и залитым кровью. Но сейчас ей хотелось зарыдать.

– Вы неубедительны, Марина. Этот парень приговорен к казни. Какая вам разница, как она свершится? – бесстрастно заметил Рябушев, отряхивая с рукава невидимую пылинку.

Женя всхлипнул, скорчившись на полу. Силы его покинули. Марина с жалостью взглянула на него, потом подняла

глаза на полковника. Контраст этих двоих вызывал в голове болезненный диссонанс. Андрей Сергеевич казался лишним в этой холодной, вонючей камере – подтянутый, чисто выбритый, аккуратный. Его место было в кабинете, за бумагами, но не здесь. Как может этот чистенький педант отдавать приказ о смерти мальчишки, уткнувшегося лицом в грязный пол, забитого, несчастного?! В груди Марины поднялась волна ненависти. Нет. Неправильно, не так! Женщина тяжело вздохнула, пытаясь успокоиться.

– Я не хочу быть палачом. Застрелите его, полковник. Или дайте ему пистолет, пусть выберет, убить себя или меня. У осужденного на смерть всегда было право на последнее желание, – она, наконец, заговорила, тихо, через силу. Слова не хотели складываться в предложения, мысли двигались медленно, неохотно, и лейтмотивом в голове звучал голод, от которого сводило живот.

– Вы мне нужны как материал для эксперимента, а у него, – Рябушев брезгливо указал на плачущего парня, – не хватит духу застрелиться самому. Так что я откланиваюсь, Марина.

Полковник говорил только с Алексеевой. На Женю он обращал внимания не больше, чем на грязь на холодном полу, казалось, собственные сапоги занимали офицера сильнее, чем судьба обреченного пленника. Парень был для него отработанным материалом, падалью, чья смерть была только вопросом времени.

– Подождите! Андрей, заберите мальчишку! – в отчаянии крикнула женщина. – Я убью себя, если вы оставите его здесь!

Голос сорвался, на какое-то время лишился своего жуткого глассандо. Монстр внутри на время отступил, и из глубин сознания показалась испуганная, уставшая от ударов судьбы женщина. Но Рябушев был невозмутим, казалось, ничто не может его задеть или напугать. Надменно прищуренные глаза, четкие команды – полковник держался истинным повелителем этого свихнувшегося мирка.

– Спасибо, что напомнили. Раздеть его, – приказал он часовому. – Ремнем, футболкой или брюками вполне возможно вас задушить, если он вдруг решит, что его жизнь еще чего-то стоит. Кровать сейчас тоже уберут.

– Убьюсь об стену. Вы думаете, мне духа не хватит? – выкрикнула Марина, осознавая глупость и безнадежность своего положения.

– Ну что же, это будет трагической случайностью, – спокойно пожал плечами мужчина. – Но, думаю, вам будет не до того. Если этому сопляку удастся убить голодного монстра в четырех голых стенах, что ж, я признаю свое поражение и даже отпущу его на свободу. Слово офицера.

Женя застонал от страха и унижения, когда двое часовых сдернули с него грязные выцветшие брюки и заляпанную кровью футболку.

Когда солдаты отпустили его, парень не нашел в себе сил

встать и остался лежать лицом в пол. Его плечи вздрагивали. А у Марины щемило сердце. Ей было почти физически больно за этого парня, молодого, безрассудного, испуганного. Он напоминал ей ее воспитанников из бункера, мальчишек, творящих юношеские глупости, но таких родных. Всех...

Алексеева цеплялась за эту мысль, за сострадание, сожаление и тяжкую память. Уйдут они – уйдет и все человеческое, что еще оставалось. Помнить. Только бы помнить.

Рябушев коротко кивнул на прощание и вышел. Огонек керосинки дернулся вслед захлопнувшейся двери, будто тоже желая убежать. В тишине было слышно, как всхлипывает Женя, пытаясь справиться с душащими его слезами.

– Женька, – тихо позвала Марина. – Не надо плакать. Верь мне, пожалуйста, я знаю, как нам справиться с этой бедой.

Парень сел у стены, вздрагивая от холода и ужаса. Он чувствовал себя загнанной в угол мышью, добычей, и эта мысль когтями царапала, разрывала, мучила. Женя зажал рот рукой и отполз к отхожему месту в углу камеры. Его рвало желчью.

– Не бойся. Только не бойся. Я знаю, как справиться, – повторила Марина. – Рассказывай мне что-нибудь. Говори и не останавливайся.

Ей было худо. Сознание на короткие мгновения проваливалось в черную бездну, но усилием воли женщина не давала себе забыться. Забытие – смерть. Нельзя. Нет. Нельзя. Думать, помнить.

Алексеева смотрела на Женю, скорчившегося в углу у па-

раши. Жалела его. Представляла, что было бы, если бы он жил в бункере вместе с ее ребятами. Они могли бы подружиться. Наверное. Парень хороший. Такие не должны умирать. Это страшно, когда хорошие умирают. Но они уходят чаще всего. Остаются плохие. Выживают моральные уроды и беспринципные, жалкие людишки. Жалкие... Сквозь пелену бессвязных мыслей пробился голос юноши.

Парень рассказывал про бункер, про своего отца и товарищей, а Марина покачивалась в лихорадочном полубреду, прижимая к вискам холодные ладони. Каждое слово вонзалось в мозг раскаленным гвоздем, каждая мысль – пытка. Не сдаваться. Пережить эту бесконечную ночь, победить себя. Слушать. Думать. Помнить...

* * *

Месяц назад. Ноябрь 2033

Отряд выходил на поверхность поздно вечером. Женя искал глазами отца, но он не пришел. Парень тяжело вздохнул, закидывая на плечо автомат. Обычно Егор провожал сына, напутствовал. Но сейчас его не было. Плохая примета. Нельзя нарушать привычный ход вещей. Не к добру.

На поверхности крупными хлопьями валил снег. Мытищи утопали в нем, луна, то и дело выползая из-за облаков, освещала волшебный пейзаж. Даже лес, подступавший

почти вплотную к забору конструкторского бюро, больше не казался страшным. Запорошенные снегом ветки кустов склонялись почти до самой земли.

Ребята из отряда расслабились, повеселели, стоя у бетонного ограждения, отсекавшего знакомую территорию от чужого и враждебного мира. Страх, обычно предшествующий вылазке, ушел, растворившись в красоте ночи. Маршрут был знакомый, изученный почти до мелочей. Дойти до станции, где замерли навсегда ржавые громады поездов, а там – совсем небольшой отрезок незнакомой территории до бункера военных. Что дальше, когда дойдут? Сейчас об этом никто не хотел думать.

Евгению было тревожно. Он всматривался вдаль, в освещенные луной дорожки, и ему, как никогда, хотелось вернуться назад. Но впереди все было чисто и спокойно.

– Женек, чего стоим? Для крылатых погода нелетная, проскочим, – прогудел через фильтры противогаза один из его бойцов.

Парень последний раз обернулся, безнадежно вздохнул.

– Идем, – наконец скомандовал он.

В свежем снегу оставалась цепочка следов. Скрывайся, не скрывайся – предательский снегопад выдавал их.

«Черт с ним! Будь что будет. Вперед, и не оглядываться!» – приказал сам себе Женя. Если бы парень знал, как же он ошибся!

Дорога, когда-то асфальтированная, шла вдоль разрушен-

ных домов микрорайона. Почти прямая, лишь с одним крутым поворотом, она вела почти до самой станции. Если все пойдет по плану, им удастся обогнуть лес, разросшийся на территории больницы, и проскочить дальше.

Улица Попова плавно перетекала в улицу Каргина как раз там, где нужно было осмотреться, повернув. После по правую руку начиналась чаща, которую можно было обойти параллельными улочками, через разрушенный квартал, где низкие дома развалились от старости. Выйти у высотного здания, указующим перстом врезавшегося в небо. Его было видно даже отсюда. Всего ничего, меньше километра.

Там начинались территории бункера «Метровагонмаша», завода, в мирное время поставлявшего вагоны на все линии метро. Но с этими соседями давно был заключен мир и велась торговля. Когда случилась Катастрофа, в то убежище приняли почти всех прихожан церкви, стоявшей неподалеку, поэтому народ там жил верующий и сравнительно мирный. У руля встал начальник завода, пожилой мужчина, проживший, однако, послевоенные двадцать лет в добром здравии и не утративший своего поста. Он справедливо распределил ресурсы и организовал в большом, но малонаселенном бункере вполне налаженную жизнь. Им повезло – через дорогу, с другой стороны Ярославского шоссе, находились рынки и склады, откуда в свое время было натащено много полезных вещей. Однако теперь убежище «Метровагонмаш» переживало не лучшие времена. Лосиный остров,

огромный лесной массив, отвоевывал себе территорию. Он вплотную подобрался к дороге, а сквозь огромные ангары крытых рынков и сервисов проросли деревья. Еще до Катастрофы в Лосином острове не стоило появляться ночью, лоси и кабаны довольно ревностно оберегали свою территорию от незнакомцев. Теперь туда мог отправиться только самоубийца.

Пара отчаянных молодых парней пыталась исследовать темную и страшную чашу. Во время их коротких вылазок у дверей бункера дежурил вооруженный отряд, готовый в случае чего отбивать безумцев у лесных тварей, но его помощь не потребовалась. В одну из холодных безлунных ночей ветер донес жуткий вопль, полный такого нечеловеческого ужаса, что один из часовых лишился чувств тут же, прямо на боевом посту.

Вылазки в лес командование бункера запретило, от смельчаков осталась только память. Порой разведчики, бесшумно пробиравшиеся по территории завода в город, останавливались и вглядывались в переплетение черных ветвей. Там бродили тени, порой у самой кромки леса вспыхивали раскосые звериные глаза с вертикальным зрачком. Но чудовища в город не совались. Пока.

Отряд двигался по улице, огибая застывшие в вечной агонии ржавые остовы машин. Слева смотрел пустыми глазницами маленьких окошек торговый центр «Леонидовка». Зачем его сконструировали почти без окон, никто не знал, но

его старались обходить стороной. Внутри, в вечном сумраке, не нарушаемом ни луной ни солнцем, расплодились пауки. Изредка они выползали на поверхность. Когда-то давно, когда эта напасть пришла в Мытищи, нескольких ребят твари утащили в свое логово.

Несчастные кричали больше суток, были на все лады, молили о помощи, запутавшись в паутине, а восьминогие монстры пожирали их заживо. Но никто не отважился им помочь.

Опытные разведчики знали, что появлению паука предшествуют характерные шаркающие звуки – лапы тварей терлись о хитин. Это был сигнал – беги! Но сейчас все было тихо. Зимой пауки были не опасны, они спали в своем логове до весны.

От домов на другой стороне дороги остались только раскрошившиеся стены нижних этажей. Верхние не пережили Катастрофу, обвалившись грудой битого кирпича.

Сквозь темные заросли было видно корпуса больницы, разрушенные, утопающие в лесной чаще.

Высокие дома сохранились. Отец как-то рассказывал Жене, что в рыжей девятиэтажке раньше была детская поликлиника...

Мамочки с колясками гуляли в скверах, ожидая приема, на детской площадке раздавался радостный визг. В следующем доме жила преподавательница английского, к которой тогда еще юный студент Егор ходил на занятия. Там же жи-

ла его хорошая подруга, к которой он заходил на чай. Довоенный чай, настоящий, в тонких фарфоровых чашечках. Танюша, молодая, улыбчивая, в красивом платье, доставала из шкафа печенье. А потом грянула Катастрофа. Таня в тот день была в Москве, училась. Что с ней стало? Спаслась или погибла вместе с миллионами других?

Отец обычно тяжело вздыхал и затягивался самокруткой. Выпускал сизый дым, горько улыбался своим мыслям. Маленький Женька сидел у него на коленях и был готов хоть до ночи слушать рассказы о том, как раньше жили люди.

Он не знал ничего другого, кроме бело-зеленых стен бункера, не пробовал лакомства слаще, чем кусок сахара, маленький, серый от старости. Такие выдавали детям по воскресеньям. Довоенные запасы. Сахар в убежище кончился три года назад. А теперь подходили к концу последние заготовки.

На нижнем ярусе убежища разводили кур. Непритязательные птицы несли яйца, без удовольствия склевывая ботву с крошенным туда мелом, а когда они уже не могли нестись, их забивали на мясо. Полгода назад отчего-то сдохли пять петухов-производителей. Медик не смог понять, что их сгубило, он пытался убедить Егора Михайловича в том, что птиц задушили, однако, даже если это была диверсия, виновных не нашли. Но факт оставался фактом: новых птиц было негде взять. Убежище Метровагонмаш не смогло помочь, у них началась какая-то странная эпидемия, и их куры

были на карантине. Олег Михайлович, начальник бункера завода, обещал выручить, если ситуация станет совсем критической. Пока что автоконструкторы держались, до голода было далеко. Но поголовье кур стремительно уменьшалось.

Коровин-старший по вечерам устало устраивался в кабинете, сажал сына напротив себя и говорил, говорил, говорил... Потом приходила мама. Строгая и красивая, она целовала отца и велела маленькому Жене идти спать. «Наташ, да пусть посидит!» – миролюбиво ворчал Егор. «Нет уж, завтра учиться, знания постигать», – ласково замечала Наталья и грозила сыну пальцем. Потом укладывала его спать, нежно целуя в щеку, и уходила, оставив зажженной керосиновую лампу в изголовье кровати. Огонек плясал, извивался на сквозняке из вентиляции, а мальчик разглядывал тени на потолке и представлял себе картинки прошлой жизни на поверхности по рассказам отца. Парк, голубая церковь на пригорке, там по праздникам звонили колокола. На качелях катаются дети. А еще были аттракционы. Как отец ни описывал, Женьке не хватало фантазии вообразить их.

Через час заходила мама, и мальчик старательно притворялся спящим. Наталья улыбалась своим мыслям, целовала сорванца. Теплая, добрая, родная. От нее пахло терпким дегтярным мылом, к которому примешивался сыроватый запах грибов, женщина работала на грибной ферме, а по вечерам старательно отмывала загрубевшие от тяжелого труда руки. Она всегда была светлой и радостной, ее любили жители бун-

кера. Но больше всех ее любил маленький сын.

Когда Жене исполнилось шесть, мама стала худеть на глазах, у нее начали выпадать волосы. Прежде густые, до плеч, они потускнели, лезли пучками, Наташе пришлось носить косынку. Порой женщина плакала по ночам у кровати сына. Мальчик не спал, он слушал приглушенные рыдания, но не решался открыть глаза и утешить ее.

А через месяц мамы не стало. Непонятное слово «онкология», которое постоянно повторял медик, еще более непонятное слово «рак», которое несло из углов, где судачили тетушки. Церемония прощания, восковое, белое, как простыня, которой было укрыто ее тело, лицо Натальи. Окаменевший от горя отец. Женю увели в его комнату, оставили одного. Он сидел в тишине, глядя в пламя керосинки, и плакал. Он не понимал еще страшного слова «смерть». В бункере автоконструкторов детей до последнего оберегали от этого жуткого знания. Мальчик хотел, чтобы мама встала, поскорее вернулась и поцеловала его, как раньше.

Отец заливал горе самогоном и утешался в обществе Светланы. Женщина лет тридцати, почти его ровесница, когда-то работала психологом в конструкторском бюро. На нее и возложили обязанность успокоить начальника бункера. Смерть жены тяжело потрясла мужчину, изменила его.

Про Женю забыли. Он бледной тенью слонялся по убежищу, никому не нужный, прежде чем Егор вспомнил о его существовании.

Когда горе улеглось, Света уже прочно заняла свое место в сердце отца. Коровин-старший больше не беседовал с сыном в кабинете, не приходил укрыть его одеялом. В их комнате стало пусто, Егор Михайлович избегал появляться там, ночуя в кабинете. Нет, он не забыл про сына. Интересовался, как его дела, иногда заходил пожелать доброй ночи. Но теперь на месте мальчика оказалась Светлана. Ей Егор рассказывал истории на ночь, с ней ложился в одну постель и желал сладких снов...

Женя быстро повзрослел. Не по годам серьезный, он старался хорошо учиться и помогать страшим. В память о маме... Он хотел стать разведчиком. Тогда отцу придется обратиться на него внимание. Тогда...

Детская обида не давала покоя. В четырнадцать лет парень первый раз вышел на поверхность. С пятнадцати ходил в экспедиции один, без сопровождения. За три года показал, на что он способен. Когда ему исполнилось семнадцать, отец назначил его командиром одного из отрядов. Внимательный к деталям и мелочам, Женя порой видел то, чего не замечали другие. Старшие товарищи быстро приняли его как первого среди равных, сложилась крепкая дружба. Но отец по-прежнему не принадлежал ему...

Погруженный в свои мысли, Евгений продолжал внимательно следить за дорогой. Все было спокойно, с неба падали крупные снежинки, устилали дорогу, оседали на капюшонах. Вот и крутой поворот. Свернули, задержались на минуту,

оглядывая дорогу. Чисто. Тишина нарушалась только скрипом снега под сапогами разведчиков. Даже ветра не было. Слишком уж хорошо. Парня оводом укусила тревога. Он обернулся, глядя назад, на цепочки следов, посмотрел по сторонам.

Краем глаза Женя заметил движение в одном из домов. Жестом велел отряду остановиться, вглядываясь в темные провалы окон. Один из ребят вопросительно вскинул руку. Парень указал ему на покосившуюся вывеску «Овощи и фрукты», под которой за несколько секунд до этого мелькнула тень.

Луна выглянула из-за облака, очертила силуэт. Мутант, заросший шерстью, похожий на собаку, равнодушно скользнул взглядом по отряду разведчиков. Мелькнула в проеме разрушенной стены оскаленная морда, и тварь вернулась к своим делам.

Но опытные сталкеры знали, что это безразличие обманчиво. Эти исковерканные Катастрофой псы обычно ходили стаями. Где один, там еще десяток. Значит, сейчас появятся.

– Отступаем, – скомандовал Женя. – Саня, первым, в мойку.

Сам пошел последним, с автоматом наизготовку. Стаи пока не было видно. Не нарваться бы. Успеть бы.

Отряд скрылся в здании автомойки. Она стояла на повороте, основная дорога уходила к станции, куда и направлялись разведчики, другая вела к больнице, через проржавев-

шие до дыр гаражи, рухнувшие бетонные плиты забора – прямо в лес.

Коровин дал команду отдыхать, сам встал в тени у окна и наблюдал. Стая появилась бесшумно и внезапно. Твари вырастали, будто из-под земли, из-за перевернутых ларьков, из оконных проемов. Много. Слишком много. Больше десятка матерых псов. Это их территория, просто так не пропустят.

Если уйти к лесу, мутанты отвяжутся. Преследовать не станут, сейчас пока достаточно еды. Так, гавкнув пару раз для острстки, посмотрят вслед крохотными злыми глазками. В середине зимы – да, могли бы и отправиться в погоню, а пока, чтобы они отстали, достаточно было пройти за автомойку и скрыться в чаще. Но этого делать очень не хотелось.

Женя смотрел, как стая принюхивается к их следам. Неужели нападут? Не должны вроде, да вот проверять совсем не хотелось. Времени на размышления оставалось мало. Твари приближались, окружая здание кольцом. Ждать было нельзя, если разведчики упустят момент – не отстреляются.

Вожак стаи вскинул морду к луне и протяжно завыл. По спине Евгения побежали предательские холодные мурашки. Парень нервно сглотнул и решился.

– Подъем. За мной. Саня, страхуешь, – вполголоса командовал он.

Отряд выбрался через выбитое окно, под ногами снова захрустел снег. Псы сидели полукругом, выжидая.

– Быстро, быстро, – бросил Женя через плечо, почти переходя на бег.

Вожак коротко рывкнул им вслед, но преследовать не стал. Внимательные глаза собак смотрели им в спины. «Только попробуйте вернуться!» – будто говорили они.

Отряд вошел под сень деревьев и остановился. Женя чувствовал, как под противогазом пульсируют виски. Лес, такой тихий и гостеприимный, укутанный белым одеялом, самым своим спокойствием наводил жуть. С ветки сорвался снежный ком, упал прямо под ноги разведчику. Сердце подпрыгнуло к горлу и упало куда-то в кишки, там забилось, скручивая внутренности страхом. Командир выдохнул, стряхнул снег с плеча тыльной стороной ладони, пытаясь прийти в себя. Интуиция кричала в голос: «Нельзя, не ходи!»

– Идем, – наконец приказал парень, занимая место впереди отряда.

– Жека, может, не надо? – выговорил один из ребят. Ему тоже было страшно. Глаза за мутным плексигласом смотрели жалобно, умоляюще. В них был тот же иррациональный, необъяснимый страх, что плескался у Жени внутри.

– Надо. А куда еще? Сзади собаки, поздняк метаться. Только вперед. Тут проскочить чуть-чуть осталось, мимо вон тех двух корпусов – и железка, через нее перевалим, а там уж ясно станет, – ответил Коровин, успокаивая, скорее, себя.

Двинулись медленно, осторожно, поминутно оглядываясь

назад и выверяя каждый шаг. Под деревьями было сумрачно, луна пробивалась полосками, освещала покосившиеся кирпичные корпуса. Голубое здание с черными провалами окон, детское инфекционное отделение. Между деревьев еще угадывалась некогда широкая дорога, по которой ездила скорая помощь.

Белый корпус пульмонологии. Сквозь крышу проросли деревья. Одинокaя инвалидная коляска, ржавая, без колес, с истлевшими за долгие годы сиденьями, валялась у стены, до половины занесенная снегом, – памятник погибшим врачам и пациентам. Старшие поколения знали, что никто из врачей не спасся. Они остались с лежачими больными до конца, перенесли их в подвал, но на всех не хватило места. Да и в подвале протянули лишь пару дней. Их страшную смерть описала одна из медсестер. Сама она умерла одной из последних, до конца выстрадала каждое мгновение. Лучевая болезнь забрала ее, но в память о ней остался исписанный медицинский журнал, найденный разведчиками несколько лет спустя. Героический подвиг неизвестных и забытых. Никому не нужный и глупый. Как и все подвиги после Катастрофы...

Оставалось пройти совсем немного. Впереди угадывались очертания забора, за которым уже стадион, Олимпийский проспект, железная дорога... Совсем чуть-чуть.

Женя до боли в глазах вглядывался в темные силуэты деревьев, и на мгновение ему показалось, что одна из теней движется неправильно, не так. Ему сразу вспомнился леде-

нящий душу рассказ Славы, видевшего то же самое. Тень, которая двигалась не в такт, отдельно от всех, живая и пугающая до икоты.

Вдох-выдох. Посмотреть еще раз. Нет. Показалось. Стоит отвернуться, боковым зрением снова видишь то, что выбивается из привычного сонного движения леса. Что-то шевельнулось в темноте возле больничного корпуса. В панике обернулся. И снова ничего. Ничего нет. Ни ветерка. Ни ветерка... Тихо... Почему же это кажется таким важным?

«Если нет ветра... то что там шевелится?!» – Женя на мгновение задохнулся от страха. Тень снова дернулась. Снова ничего. Тихо. Настолько тихо, что, кажется, слышно даже, как там, наверху, на деревья ложится снег.

Парень обернулся к своим, не помня уже наставлений старших: впереди идущему никогда не поворачиваться спиной...

Отряд замер. В гнетущей тишине было слышно хриплое дыхание сквозь фильтры противогазов. Бравые разведчики пошатывались, как сомнамбулы, держа автоматы наизготовку.

А потом раздался выстрел. Женя с ужасом уставился на Саню, их лучшего разведчика. Парень, в которого тот выстрелил, упал, как-то смешно и нелепо взмахнув руками, и на снегу показалось кровавое пятно, дымящееся на холоде.

Отчаянный крик потонул в грохоте. Его товарищи в одно мгновение сошли с ума, они палили друг в друга из ав-

томатов, припадочно смеялись, падали и продолжали стрелять. Истекали кровью, но будто не чувствовали боли, пытались подняться, конвульсивно дергая ранеными конечностями. Женя смотрел на них со смесью ужаса и отвращения, он с трудом сдержал рвотный порыв: Саня, его друг детства, сдернул с себя плащ химзащиты, обнажив простреленное насквозь множеством пуль тело. Коровин-младший с ужасом смотрел, как его глаза закатились, обнажив желтоватые болезненные белки, и разведчик упал навзничь.

Спустя несколько секунд все стихло. На снегу остались лишь мертвые тела.

Тень, скользнувшая за деревьями, подобралась еще ближе, коснулась рукава парня и отпрянула. У Жени в глазах поплыло, и он увидел перед собой не своих товарищей, а покрытых уродливыми струпьями монстров с оскаленными пастьями, мало похожих на людей. Они тянули к нему руки, звали с собой, ползли по земле, пытаясь ухватить за ногу. Парню захотелось вскинуть автомат и палить наугад, лишь бы они упали, умерли, ушли! Его переполняло странное чувство отвращения, смешанное с сумасшедшим восторгом от мысли о том, как плоть жутких тварей разлетается под автоматными очередями.

Женя заорал от ужаса, и собственный крик отрезвил его. Ствол в руках дымился, видимо, только что Коровин стрелял в своих товарищей, уже мертвых. Противогаз валялся на земле, и парень полной грудью вдыхал зараженный воздух.

С трудом натянув обратно задубевшую на холоде резину, разведчик бросился бежать. Он задыхался, поскользывался на мерзлой земле, вставал и снова бежал, прочь, прочь от этого безумства.

Женя не разбирал дороги, не понимал, куда и зачем он бежит. Липкий страх отпустил только тогда, когда парень увидел перед собой железнодорожные пути и красную громаду торгового центра, в подвале которого собирались на ярмарку жители четырех мытищинских убежищ.

Он не помнил, как дошел сюда. Сердце колотилось, как бешеное, воздуха не хватало. Парень с трудом доковылял до входа в здание, спустился в подвал по стертым ступеням лестницы. Там было темно и пусто, стояли столы, на которых обычно раскладывали свой нехитрый товар торговцы.

Здравый смысл подсказывал ему, что сидеть в одиночестве в огромном подвале, где луч фонарика не доставал до противоположной стены, было не лучшей идеей, но ноги его не держали. Силы кончились, каждый шаг казался непосильной задачей. Знакомое до мелочей место, связанное с приятными воспоминаниями о ежемесячной ярмарке, успокаивало, не давало сойти с ума.

Парень сполз на пол по стене и стянул противогаз. Было тихо, с потолка мерно капала вода. Этот звук убаюкивал, бесконечно хотелось спать. Сопротивляться не было сил. «Плевать. Что будет, то будет», – устало подумал Женя, проваливаясь в черный омут тяжелого сна.

Глава 4

Побег

Декабрь 2033

Марина пришла в себя рывком, закашлялась, будто вынырнула из воды. Перед глазами было мутно, кружилась голова. На губах ощущался вкус крови.

«О нет! Женя!»

Парень лежал в углу, скорчившись на бетонном полу.

– Женя!

Он поднял голову, осоловело заморгал, пытаясь сесть.

– Живой... – Марина выдохнула, опустилась на пол рядом с ним. Ноги казались ватными. Стены расплывались перед глазами.

Рука выше запястья болела так, что пальцы не шевелились. Ладони были липкие. Женщина тупо смотрела на след зубов, рваную рану, сочившуюся застывающей кровью.

– Женя, что было ночью? – выговорила Алексеева. Ей казалось, что жизнь вытекает из нее толчками, с каждым ударом сердца. Не было сил. Хотелось обратно, в черный омут беспомощности.

Она помнила, как цеплялась за угасающее сознание, как молила о смерти – но кого? Помнила, как все сильнее ста-

новился звериный голод, каждая мысль казалась тяжелой и мучительной. А потом – спасительное забытие. Ей чудилось, что она летела в пропасть, у которой не было конца. Марина помнила, как руку обожгло болью, как пыталась очнуться, но не могла, ее затагивало вниз, в черный водоворот, веки наливались свинцом...

Парень окончательно пришел в себя, в полумраке осмотрел ее покалеченное запястье. Оно было глубоко прокушено, повреждены вены, кровь сбегала струйкой не переставая, тяжелыми каплями срывалась вниз. Края раны воспалились, потемнели, дело было плохо. Юношу на мгновение охватила паника, в ту же секунду сменившаяся решимостью. Он вскочил, заколотил в дверь.

Створка, закрывающая решетку, приоткрылась.

– Че шумишь?! – зло спросил недовольный часовой.

– Полковника позови! И медика, срочно! – крикнул ему Женья.

Солдат не ответил, хлопнув дверцей.

Марина прислонилась к стене и закрыла глаза. Губы посинели, лицо осунулось, белое и жуткое. Нужно было срочно остановить кровь, но в камере не осталось ничего, чем можно было бы перевязать руку, одежду полковник отобрал еще вчера. А кровь продолжала течь.

– Держись, – шептал парень.

Он поднял руку Марины вверх, прижал к стене, не отпуская. Кровь теперь текла по плечу, на грудь, темная и страш-

ная. Женщина с трудом подняла веки, слепо уставилась в темноту.

– Жень, что это? – жалобно спросила она.

– Ты укусила сама себя. В какой-то момент тебе стало хуже, ты бросилась на меня, прижала к стене. Я... я просил тебя о пощаде, снова плакал. А ты... впилаь себе в руку зубами зачем-то. Выгрызла кусок. А потом... Я не помню, что было дальше, – сбивчиво зашептал парень, глядя на черные капли, падающие на пол. – Помню, что ударился головой о стенку. Кажется, потерял сознание. Это я виноват. Если бы очухался раньше, успел бы тебе помочь. Держись. Пожалуйста, Марина, держись...

– Прекрати. Жень, у нас получилось! Я – человек, не тварь, понимаешь? Я смогла! Контролировала... не поддавалась... – голос женщины с каждым словом слабел, но на губах показалась счастливая улыбка.

– Ты всегда была человеком, Марина. Ты – будущее, я уже говорил тебе. Поэтому тебе сейчас никак нельзя умирать, слышишь? Тебе скоро помогут, кровь почти остановилась.

– Что это? – прошептала Алексеева, протягивая здоровую руку.

– Это? – Жень дернулся, вспомнив жуть минувшей ночи. – Поцарапала, пройдет.

– Прости...

Плечи парня были располосованы ногтями, кожа глубоко содрана.

Женя присел на корточки, прижался лбом к стене, не отпуская руку Марины. Два искалеченных человека, две сложенные судьбы – пленники сидели в тишине, не зная, что говорить дальше...

В коридоре послышались четкие чеканные шаги полковника. Дверь с размаху ударилась об косяк с металлическим звоном, громкий звук заставил женщину застонать.

– Надо же, – как всегда, без приветствия начал Рябушев. – Ты еще жив. Я ошибался на ваш счет, Марина. Признаю свое поражение.

Следом вошел медик. Этот неприятный человек был хорошо знаком Евгению. Его называли странным для парня именем – Доктор Менгеле. Зато Марина, услышав это прозвище в первый раз, прекрасно поняла, почему врача называли именем фашистского экспериментатора, ставившего жестокие опыты на пленных советских солдатах.

Он вытащил из чемоданчика широкий бинт, без церемоний стянул руку поверх раны. Движения медика были резкими и грубыми, у Алексеевой от боли темнело в глазах. Женщина сжимала руку Жени, а он незаметно для полковника гладил кончиками пальцев ее ладонь.

– Да уберите же вы его, мешает! – рявкнул врач, и двое часовых оттащили парня, приковали наручниками к трубе в противоположном углу камеры. Женя устало присел на пол, опустошенный, истерзанный страхом и усталостью. «Только бы с ней все было хорошо, только бы хорошо!» – беззвучно

шептал он, как молитву. Сострадание – чувство, которому не было места в подземных коридорах бункеров, – поднималось в глубине души горячей волной. Оно же помогло Марине не сорваться, остаться человеком. «Зря мы думаем, что человек человеку – волк. Милосердие и жалость помогают жить, помогают выживать. Без них мы все погибнем. Отец ошибался, говоря, что нужно добивать тех, кто тянет назад. А мама была права. Она поняла это перед самой смертью, осознала, что нужно подавать руку помощи, не бояться сочувствовать словом и делом. Пожалуйста, высшие силы, какие есть, защитите ее, помогите ей. Пусть она будет жива!» – отрешенно думал парень, глядя, как женщину укладывают на носилки. Она пыталась что-то сказать, но силы покидали ее.

– Андрей, послушайте, Андрей... – Марина силилась докричаться до полковника, но получалось лишь шептать. Она пыталась приподняться на носилках, но здоровая рука соскальзывала.

– Да помолчи же ты! – медик, явно выдернутый полковником из постели, был зол. Он заставил женщину лечь обратно, совершенно не церемонясь со своей невольной пациенткой.

Тугая повязка больно давила на рану. Пальцы немели.

– Женя... Женя... Помогите ему... – бессвязно шептала Марина.

– Рот закрой! – Доктор Менгеле раздраженно оторвал кусок белого лейкопластыря и крест-накрест заклеил ей губы. Алексеева застонала, умоляюще взглянула на полковника,

стоявшего в стороне. Тот остался спокойно-равнодушным. Ему было все равно, какими методами будет лечить пленницу его врач. Рябушев был уверен, что ее поставят на ноги, поэтому не вмешивался.

Женя такого издевательства стерпеть не мог. Его переполняли негодование и обида: как этот докторишка смеет так обращаться с Мариной? За что он так с ней, разве несчастная мало страдала?

– Прекратите! Ей больно! Товарищ полковник, что же вы молчите?! Сделайте что-нибудь, запретите ему! – крикнул парень. Он забился в оковах, тщетно пытаясь вырваться. Бесконечное отчаяние и бессильная злость плеснули через край, юноше казалось, еще рывок – и он сможет помочь, закрыть собой, спасти, увести ее...

Рябушев с брезгливым интересом взглянул на него, ехидно приподнял бровь.

– Первая юношеская лубофф? – издевательски протянул он.

Женя грязно выругался, глядя своему мучителю прямо в глаза. И тотчас поплатился за это. Андрей Сергеевич недовольно качнул головой, и один из солдат безжалостно ударил юношу кулаком в живот.

У пленника потемнело в глазах, он согнулся, судорожно хватая ртом воздух, хотел что-то сказать, но не смог.

Марина застонала, вновь пытаясь приподняться. В ее глазах были жалость и тоска. Силы покидали женщину, она уже

не слышала слов. Кажется, парень что-то сказал, снова слышался глухой удар и крик боли.

Часовые подняли носилки, и они мерно закачались в такт шагам. В голове гулко стучало. Наконец, измученное сознание померкло, и Марина погрузилась в спасительную темноту.

* * *

Месяц назад. Ноябрь 2033

Женя проснулся от холода, резко сел и замер, пытаясь понять, где он находится. В подвале было темно и тихо. Резина костюма химзащиты задубела, пальцы на руках были белыми и страшными. Чужими.

– Мать твою... – тихо выговорил парень. Губы не слушались.

Он попытался подняться, но замерзшее тело отказалось повиноваться. Разведчик упал, громко выругался. Эхо гулко заплесало под сводами подвала, повторяя ругательство сотней призрачных голосов. Стало жутко, запоздалый страх нахлынул волной невольной паники. Парень тяжело дышал, успокаиваясь.

– Ни фиги себе я камикадзе... – устало укорил себя Женя. Вслух, только вслух, так проще, так не страшно, испуганный мальчишеский голос разгонял мрачные тени.

Слова возвращали к реальности, вытесняя остатки сна.

Юноша наконец поднялся, опираясь на стену. Нервный луч фонаря в дрожащих руках заметался по подвалу. Никого. Тишина, только откуда-то убаюкивающе капает вода.

– И куда дальше? – сам с собой говорил разведчик, медленно пробираясь к выходу. – Отряд я потерял, горе-командир, сумку тоже, патронов – на десять выстрелов, жрать хочется и чуть не замерз тут насмерть.

Впереди показалась лестница наверх. Женя передернул затвор, осторожно шагнул на стертые ступени, осветил фонариком путь. Судьба вновь оказалась благосклонна к нему, ночные мутанты обошли стороной заброшенный торговый центр, путь был свободен.

На поверхности было снежно и тихо. Метель прекратилась, луна подмигивала сквозь пелену облаков, освещала остовы домов и застывшие громады поездов.

Парень стоял у входа в торговый центр и размышлял. Больше всего на свете сейчас ему хотелось свернуться калачиком у стены и не просыпаться, избавиться от холода, сводившего внутренности, а дальше – будь что будет. Руки ломило, каждый шаг сопровождался ноющей болью.

– Повезло мне, идиоту, – горько шептал Женя, оглядываясь вокруг. – Всех потерял, а сам живой. Повезло, что морозы не ударили, а то нашли бы меня там по весне, на первой ярмарке, окоченевшего и синего. Повезло, что никакая тварь не заползла, пока я дрых позорно. Сутки проспал, на-

до же. И живой, до сих пор живой! Знак это, что ли? Надо возвращаться.

Перед глазами встало лицо отца. Презрительное, с сомкнутыми в линию губами. «Твой друг украл дневник. Из-за тебя, Евгений! Мне стыдно, что ты провалил задание, потерял всех товарищей! Как мне после этого смотреть тебе в глаза! Я доверил тебе отряд, думал, что ты – настоящий разведчик, который выполнит любое мое поручение! Увы, это не так. Я отправляю тебя на ферму, будешь за курами убирать!» – прозвучал в сознании строгий голос командира бункера. А рядом мелькало подхалимски-сладкое лицо Светы, кивающей и поддакивающей отцу.

– Ну уж нет! Лучше сдохнуть, чем так! – сквозь зубы выговорил парень. Юношеский максимализм взял верх над благоразумием, погнал юного разведчика на подвиги.

Женя медленно пошел вперед, держа наготове автомат. Места начинались незнакомые, здесь разведчики из бункера автоконструкторов бывали очень редко.

За поворотом дороги показался темный силуэт храма, служивший пограничным ориентиром территории военных. Значит, до их базы оставалось совсем немного.

Почерневшие от времени стены церкви местами сохранили следы побелки, окна зияли провалами, в куполе была дыра, он не выдержал одной из зим и обвалился. Над дверями сохранился кусок росписи, когда-то очень давно на городские улицы строго взирал лик Христа.

Теперь от изображения осталась лишь часть лица и кусок нимба. Женя остановился на минуту, в знак почтения приложил ладонь к груди.

— Это тебе люди молятся, да? — горестно спросил он в темноту. — А толку — что молишь, что не молишь, все равно умирают. Мама моя тебе молилась, а все равно ушла.

«Ничего ты не понимаешь, глупенький, — послышался в голове голос-колокольчик. — Бог ведь не на земле, а на небе, будешь себя хорошо вести, после смерти попадешь в рай и будешь там жить в вечном счастье!»

Мама... Так говорила маленькому Женьке тяжелобольная Наталья. Перед смертью она стала очень религиозной, а ее маленький сын с охотой слушал ее беседы о божестве вместо сказок на ночь. Она же говорила о милосердии и сострадании. Тогда отец отдалился от нее, Егор считал, что жена глубоко заблуждается, желая простить всех и каждого, Коровин-старший старался оградить от таких разговоров сына, считая подобные мысли глупостью и бабским трепом. Наталья умерла одна, в пустой комнате, и посмертно оказалась права. Лишь сострадание и любовь к ближнему спасут медленно гниющий изнутри мир. Только вот люди не желают этого понять в порыве перегрызть друг другу глотки...

Женя задумчиво взглянул на покосившиеся двери храма, не вовремя погружаясь в грустные воспоминания.

— Спасибо тебе, — парень кивнул изображению. — Надеюсь, мои ребята там, у тебя на небе, и у них там вечное счастье.

Женя повернулся спиной к церкви и замер, рассматривая никогда не виденный им район. От храма тянулся длинный проспект, уходил за горизонт бесконечной линией, широкий и мрачный. На проезжей части догнали запыленные снегом остовы машин, вдоль нее тянулись дома, низкие пятиэтажки с покосившимися стенами. Вдалеке темнел лес, разросшийся из городского парка. Он потихоньку подступал к дороге, завоеывая себе все больше жизненного пространства. Разведчики говорили, что в парк давно уже никто не ходит, а безумцы, сунувшиеся туда, не возвращаются. Да и некому туда ходить. Бункеры города находились на значительном расстоянии от парка, и район, до Катастрофы называвшийся Новые Мытищи, давно не видел людей.

Направо уходила еще одна дорога, через несколько сотен метров она круто поворачивала, а прямо высилось здание общежития, за которым начинались владения военных. С противоположной стороны, за храмом и дальше, чернели высокие дома новых районов, некоторые встретили свой последний день недостроенными. Чудом сохранившийся башенный кран уныло скрипел стрелой на ветру, мрачный и жуткий в серебристом свете луны.

Женя поежился от холода. С каждой минутой все больше хотелось развернуться и бежать прочь. Что он сможет найти на территории части? Что нужно узнать, как это сделать? Вопросы, на которые не было ответов. Была задача – вызвать из рук военных дневник Марины Алексеевой, прежде

чем они осознают, какой материал для экспериментов попал к ним в руки. А как ее выполнить, это уже проблемы отряда разведчиков...

«Одного разведчика, – мрачно подумал парень, растирая замерзшие пальцы. – Надо идти. Надо».

Юноше казалось, что морозный зимний воздух давит на плечи бетонной плитой. Непосильная ноша. Невыполнимая задача. Евгений чувствовал себя маленьким ребенком, брошенным взрослыми, и от жалости к себе на глаза наворачивались слезы. «Мамочка, ребята, где же вы? Почему вы не хотите мне помочь?» – билась в голове одинокая, отчаянная мысль. А ей вторил жестокий, суровый голос: «Они все давно мертвы. Ты – один. Один. И никто не поможет тебе. Ты должен идти вперед. Ты должен выполнить задание. Должен! Должен!» В горле застрял тяжелый ком, окоченевшие ноги не слушались. Бежать, бежать назад скорее, под защиту знакомых бело-зеленых стен, под землю, в тепло, к родным лицам, прочь от этого черного безмолвия.

– Нет! – отчаянное безрассудство загнало тяжкие сомнения куда-то глубоко, в те потайные коридоры души, куда не стоило заглядывать лишний раз, чтобы не тревожить себя забытой, приглушенной болью. Парень прислушался, до рези в глазах всматриваясь в темноту проспекта.

Вдалеке послышался хорошо знакомый вой. Стоило поторопиться. Женя еще раз взглянул на полустертую роспись над дверями храма.

– Помоги мне! – чуть слышно прошептал разведчик и быстро зашагал вперед. Под сапогами захрустела асфальтовая крошка, мелькнуло распахнутыми воротами здание пожарной охраны. В день Катастрофы красные пожарные машины в спешке летели по улицам города, там и застыли навсегда в бесконечных пробках. Ангары оставались открытыми двадцать лет, покосившиеся створки вросли в землю, ржавые, с облупившейся алой краской, будто ожидая. Вот только... никогда уже не дождутся.

Погруженный в грустные мысли, Женя неожиданно для себя оказался у стен общежития. Военная часть была даже ближе, чем предполагал парень. За громадой серого здания начинался бетонный забор, под сенью деревьев скрывались постройки. Где-то за ними была неприметная дверь, которая вела в бункер.

«Ну, дошел, и что? Дальше-то что?» – самого себя спрашивал юноша, но не находил ответа, медленно пробираясь вперед. Занятый раздумьями, он слишком поздно заметил часовых. Усталое, измученное страхом и холодом сознание воспринимало окружающий мир медленно, с опозданием на несколько секунд, и они стали роковыми.

Парень сам не понял, как оказался на земле, уткнувшись лицом в снег. Два человека в потертой химзащите цвета хаки подняли его за плечи, завязали глаза. В спину уперлось дуло автомата.

– Вперед! – глухо прозвучала команда.

«Ну что же, часть плана удалась, — как-то слишком безразлично думал Евгений, вслепую шагая по скрипящему снегу. — Только кому оно теперь надо? Кажется, я очень сильно влип...»

Пару раз парень остушился, упал, разбив коленку. Дальше шел медленно, хромая, подгоняемый солдатами.

Наконец, в тишине прозвучал по металлу условный стук, чуть скрипнули хорошо смазанные петли. Пленника вели куда-то вниз, по ступенькам. С каждой минутой становилось теплее.

— Стоять! — приказал конвоир. — К стене!

С разведчика стащили химзащиту, отобрали рюкзак. Оружие потерялось еще там, на поверхности. Да и что теперь жалеть...

Грубые холодные руки сняли с глаз повязку, стащили противогаз. Парень увидел такую знакомую бетонную стену, выкрашенную до половины зеленой краской, а наверху — побелкой. Остро пахло резиной и влажным камнем, к этому примешивался тонкий запах какой-то еды, от которого живот свело голодной судорогой.

Несколько минут парень простоял лицом в стену, широко расставив ноги и подняв скованные руки. В убежище автоконструкторов Женя когда-то видел книгу с картинками про тюрьму. Заключенных так же ставили к стене, а если конвоем что-то не нравилось, их били. А для дознания пытали. Воображение услужливо нарисовало сцену допроса. Окровав-

ленное лицо пленника, лампа, направленная прямо в глаза, больные, слезящиеся. «Говори, падла!» – громкий и резкий голос.

Парень вздрогнул, отогнал от себя страшное видение. «Нет. Со мной такого не будет. Это с кем-то другим, не со мной...» – уговаривал он сам себя.

Тело потихоньку обретало чувствительность. В тепле промерзшим до костей ладоням и ступням стало почти невыносимо больно. Женя застонал и не удержался на ногах. Под рукой почувствовал холодный шершавый бетон.

– Встать!

Солдат поднял юношу за воротник рубашки, больно сдавив горло. Непослушные, будто ватные колени подкашивались, не держали.

– Руки поднять! – послышалось из-за спины. Женя замешкался и получил ощутимый удар по ребрам, тихо застонал, принимая покорно-тюремную позу.

На глаза снова легла повязка. Разведчик молчал, прислушиваясь.

– Поймали... На территории части... Шпион... – доносились тихие обрывки фраз.

Наконец, послышался знакомый скрип петель. Часовые вновь вышли на поверхность.

– Вперед! – скомандовал незнакомый голос.

Несколько томительных минут пленника вели с завязанными глазами по бесконечным коридорам, звук шагов отда-

вался эхом, иногда слышались голоса и смех.

«Ну вот, в бункер ты попал, – сам себе говорил Женя, невольно отсчитывая шаги. – А дальше что? Сейчас как поставят тебя к стенке. Или пытаться будут, и что говорить? Провалил ты задание, Коровин. Провалил с самого начала, как в лес этот чертов потащился. Товарищей угробил и сам попался, как последний идиот».

От подобных мыслей становилось горько и жутко. В горле предательски защипало. Руки и ноги болели, плохо слушались. Снова хотелось спать, а еще сильнее – есть.

Наконец послышался стук, из-за приоткрытой двери прозвучало властное «Войдите!». Женю пристегнули наручниками к железному стулу и сняли повязку.

Немолодой человек в военной форме сидел за письменным столом и в упор смотрел на пленника, положив подбородок на скрещенные пальцы. Его лицо, гладко выбритое, бесстрастное, было начисто лишено эмоций, лишь в усталых серых глазах на мгновение промелькнуло нечто похожее на любопытство.

– Ну-с, молодой человек, давайте знакомиться. Андрей Сергеевич Рябушев, полковник, командир этого бункера. А вы кто такой и зачем явились к нам? – голос военного звучал спокойно. Слишком спокойно, чтобы обманываться на его счет.

Юноша чувствовал, как в желудке липким червячком заворачивался страх. «Что говорить, что делать?» – в панике би-

лась в голове мысль.

– Меня зовут Евгений. Я – торговец, шел из бункера теплоцентрали на ярмарку и заблудился, – не подумав, ляпнул парень.

Полковник недобро усмехнулся, в упор глядя на него. У Жени внутри похолодело. Он уже понял, что промахнулся.

– Молодой человек, врать очень и очень нехорошо. А мне – так вообще не стоит. Я повторю свой вопрос: кто вы такой и зачем явились к нам? – в голосе Рябушева послышалась сталь.

– Меня зовут Евгений... – выговорил парень. Его мутило, перед глазами плясали черные мушки.

«Что делать? Что делать? Что делать?!» – к горлу подкапывала истерика.

В тишине потянулись томительные минуты, слышно было только тиканье часов.

– Я жду ответа, – напомнил полковник.

– На ярмарку... Заблудился... – разведчик решил упорствовать до конца.

– Ложь! Я догадываюсь, что ты шпион, мне больше интересно, чей. Кто в нашем поганом болотце обнаглел настолько, чтобы шпионить за нами? Хотя, дай угадаю, – Андрей Сергеевич легко перешел с пленником на «ты». – Такого юнца мог прислать только старый дурак Коровин. Так ты – от автоконструкторов? И я даже догадываюсь, чего тебе здесь нужно.

– Нет! – слишком поспешно выговорил Женя и снова ошибся.

– Значит, от них. Цель разведки? Хотя, постой, дай угадаю. Вы, кажется, хватились дневника. И, думаю, Егор уже успел наказать виноватых. Тот мальчишка, которого обвинили в краже дневника, он был твоим другом? И, думается мне, ваш бестолковый начальник отправил тебя, чтобы у нас не возникло подозрений. Жалкий парнишка сойдет за торговца, да? Не очень ты похож на разведчика. Но я могу ошибаться. Поправь меня.

– Откуда вы... – в ужасе спросил Женя. Губы не слушались, сердце, казалось, готово было выскочить из груди.

– Я тебе сразу сказал, мне лучше не врать. Зачем ты сюда явился, мне уже ясно. Но кто ты такой?

Парень молчал, кусал губы.

– Упорствуешь? – мрачно поинтересовался начальник бункера. – А вот это зря, не люблю упрямых. Ну что же, мне как раз нужен доброволец-смертник. На ловца, как говорится, и зверь бежит. Думаю, через пару дней ты сам будешь умолять меня выслушать тебя и пристрелить. Сейчас не хочу даже руки марать. Увести!

– Что вы знаете?! – крикнул Женя, пока двое солдат поднимали его со стула.

– Для начала, вопросы здесь задаю я, – ледяным тоном отозвался полковник, кивая кому-то в сторону.

Женю на пару мгновений оглушил удар. В глазах потемне-

ло, а на разбитых губах почувствовался металлический привкус крови.

– Надеюсь, ты понял, как себя нужно вести, – парень вновь услышал бесстрастный голос Рябушева. – До скорой встречи.

Конвоиры завязали ему глаза, и снова эхо шагов заплясало по бесконечным коридорам...

* * *

Декабрь 2033

Марина вышла из кабинета полковника в сопровождении солдата, прижалась взмокшей спиной к холодной стене. Женщине не хватало воздуха. Рука на перевязи ныла, силы кончились еще в середине непростой беседы с начальником бункера. Несчастной казалось, что ее сейчас раздавит той лавиной страшной правды, которую обрушил на нее Рябушев. Этот разговор еще долго будет сниться ей в страшных снах. Алексеева тяжело дышала, пытаясь дрожащей рукой убрать прядь волос, залепившую глаза, но пальцы не слушались. Решение было принято, карты раскрыты, теперь пути назад не было. Марина судорожно прокручивала в голове услышанное и увиденное, не желая верить.

– Вперед, – приказал конвоир, прерывая ее навязчивые размышления.

– Погоди, – проговорила она, запрокидывая голову. Дышать становилось легче, пелена перед глазами растаяла. «Дороги назад нет. Ты сама решила, что все будет так. Иди и выполняй!» – приказала себе женщина, но в голове отчего-то зазвучал голос ее наставника и командира, Григория Кошкина. Иди и выполняй – был его единственный ответ на слезы и боль молодой тогда еще девчонки. Но сейчас Алексеева была благодарна ему за такое воспитание.

Прошла неделя с той страшной ночи, когда чудовище внутри отступило и сдалось. Два дня женщина лежала без сознания, еще несколько дней тяжело было даже поднять голову от подушки. Бесконечные капельницы и уколы уверенно возвращали больную к жизни. В какой-то момент Марине стало интересно, откуда военные берут лекарства в таких количествах, тогда же к ней впервые зашел Андрей Сергеевич и пообещал серьезный разговор, когда ей станет легче. Мысли стали более связными, женщина быстро шла на поправку.

Пластохинон обеспечивал ускоренную регенерацию, поэтому рана затягивалась с фантастической скоростью. Через пять дней пленница смогла встать с кровати, через неделю поправилась настолько, что смогла выдержать долгую беседу с начальником бункера. Сейчас ей даже не хотелось вспоминать, о чем они говорили. Слишком тяжело. Слишком больно...

Рябушев распорядился вернуть Марине одежду. Впервые за долгие месяцы женщина вновь надела брюки и рубашку,

скрывшие ее неестественную худобу. В лазарете медсестра состригла ей волосы, сбившиеся в колтун, который невозможно было расчесать. Пленница украдкой оглядела себя в большом зеркале, висевшем в кабинете полковника. «С возвращением!» – тихо сказала она самой себе. Из-за стекла на нее смотрела все та же Марина, какой она была до Катастрофы, только пережившая драму в бункере и мутации. Исковерканная несправедливой судьбой, исхудавшая, почти седая, но все же это была она.

Солдат захлопнул за ней дверь камеры.

– Ты вернулась, – прошептал из угла тихий, почти бесплотный голос. Женщину будто окатило ледяной водой. Она знала, что увидит своего товарища по несчастью, но не думала, что он будет *таким*!

– Женья! О боже, Женья... – Марина присела на пол рядом с парнем, взяла его за руку. Его кисть, тонкая, совсем не мужская, с жуткими фиолетовыми ногтями, бессильно свесилась вниз.

Пленник был бледен до синевы, щеки впали, под глазами залегли черные тени. Скулу украшал пожелтевший синяк, на разбитых губах запеклась корка крови.

– Ты вернулась, – повторил юноша, силясь улыбнуться. Едва успевшая затянуться ранка в уголке рта снова лопнула капелькой крови.

– Тебя били? За что? – горько спросила женщина.

– Я хотел тебя видеть, – разведчик вцепился в ее запястье

ледяными пальцами, будто боясь отпустить. – Я хотел знать, что у тебя все хорошо.

– Женька, – Марина прижала парня к себе и баюкала, как младенца, гладила спутанные грязные волосы. – Спасибо тебе.

Юноша доверчиво прижался к ней, едва заметно вздрагивая от успокаивающих прикосновений.

– Не уходи снова, – выговорил он, сжимая ее пальцы.

– Не уйду. Я всегда буду с тобой. Я смогу тебя защитить, не отдам этому миру, не дам тебе погибнуть, – утешающе бормотала Марина, обнимая его за плечи. Она смотрела на пляшущий огонек керосинки, уговаривая не его – себя. В ее душе плескались жгучий стыд и невыносимое отчаянье, но лицо было спокойным и собранным. «Нельзя показывать мальчишке свои чувства. Ради него самого нельзя. Но, черт, как же тяжело!» – мучила сама себя женщина, вела непрекращающийся внутренний монолог, растравливающий старые раны.

Парень застонал, когда она неосторожно коснулась его руки. Этот жалобный звук вернул женщину к действительности. Она опустила глаза – и испугалась. На сгибах локтей несчастного мальчика чернели страшные кровоподтеки.

– Полковник снова брал у тебя кровь? – в ужасе спросила женщина. – Сколько раз?!

– Трижды... Ты потеряла много крови в ту ночь, тебе нужнее, – прошептал Женя, уткнувшись лицом ей в плечо.

– Так нельзя! – вскрикнула Марина. – Так...

Ее прервал звук открывающейся двери. Солдат поставил на пол жестяную миску с едой и снова исчез в коридоре, оставив пленников наедине в тревожном свете лампы.

– Ты должен поесть, – велела женщина, помогая товарищу сесть у стены.

– Я не хочу, – устало отозвался юноша, закрывая глаза. Ему было худо. Голова кружилась, тянуло лечь и не вставать никогда.

– Это не предложение. Это приказ, – жестко проговорила пленница, черпая отвратительного вида месиво. – Открывай рот.

Она кормила парня с ложечки, как маленького, а тот покорно глотал мерзкую баланду, не чувствуя вкуса. В животе разлилось приятное тепло, ледяные руки начали согреваться. Алексеева молчала, погруженная в свои мысли, но Женя не решался нарушить тишину.

– Нам нужно бежать отсюда. Как только представится случай, – наконец, сказала Марина, отставляя пустую миску.

– Бежать? Это невозможно! – непростительно громко воскликнул парень. Женщина укоризненно взглянула на него, приложив палец к губам.

Женя присел у стены. Его лицо перестало казаться синим, в глазах появилась жизнь.

– Это невозможно! – повторил парень уже шепотом.

– Нет ничего невозможного. До двери – один коридор.

Всего-то трех часовых нужно обойти, – усмехнулась Марина.
– Даже если мы это сделаем, куда потом? Без оружия, без теплой одежды далеко мы уйдем? – безнадежно возразил пленник.

– Глупости. Одежду найдем, а идти... Я знаю короткий путь в твой бункер. Двадцать лет в этом городе прожила. Со мной можно через лес. Моя рука заживет, ты немного наберешься сил, и мы свалим отсюда.

Парень исподлобья взглянул на нее, устало и мрачно. У него в душе закопошился червячок сомнения. Настойчивый внутренний голос шептал: «Не верь!» Здравый же смысл приказывал использовать свой последний шанс. Какая разница, как умирать, если Рябушев и так прикажет расстрелять? А так появлялась, хоть призрачная и зыбкая, надежда на жизнь.

– О чем ты говорила с полковником? – наконец, решился спросить юноша.

Марина передернулась и отвернулась, уставившись в темноту.

– Лучше тебе не знать. В этом бункере творятся очень нехорошие вещи, – тихо ответила она, не глядя на своего товарища. – И еще... У меня для тебя плохие новости. Бункер автоконструкторов терпит бедствие. У них практически кончились запасы, ферма не работает, в убежище голод. Егор Коровин объявил чрезвычайное положение. Рябушев предложил им помощь в обмен на моего сына. Твой отец отказал-

ся – слишком гордый, он рассчитывает на помощь соседей, не доверяет полковнику, и правильно делает. Чем скорее мы окажемся там, тем больше шансов у твоих товарищей.

Женя опустил голову, закрыл глаза. Из-под сомкнутых ресниц потекли слезы. А внутренний голос не умолкал, изматывал: «Не верь ей!»

– Но что мы можем сделать? – тихо спросил парень. – Даже если доберемся туда, что мы можем сделать?

– Мы сможем увести людей в убежище «Метровагон-маш». У них большие помещения, но мало народу. Мы предложим им рабочие руки в обмен на пристанище и еду.

Пленник молчал. «Откуда ей все это знать?! Она не наша, чужая, она не может знать, как лучше!» – кричал внутренний голос, заглушая доводы рассудка.

– Отец никогда не решится на такое. В бункере женщины и дети. Они не вынесут перехода по снегу, – наконец, ответил юноша, поднимая голову.

– У них нет вариантов, Женя. Егор будет вынужден согласиться. А ты его в этом убедишь. Он послушает своего сына. А я помогу добраться. Поверхность мне не страшна, мутанты тоже. Главное – выбраться отсюда.

– Я не знаю, Марина. У меня совсем нет сил, – прошептал парень.

Женщина смотрела ему в глаза, и то, что она видела в них, ей очень не нравилось.

– Ты не веришь мне, – она взяла его за руку.

– Я... Я не знаю.

– О чем ты думаешь? Скажи.

– Неважно...

– Женя, – тихо сказала Марина. – Ты помог мне вернуть-ся. Ты был рядом, когда я валялась в бреду, не понимала, кто я такая. Теперь моя очередь вернуть долг. Верь мне. Пожалуйста, верь.

На разведчика навалилось безразличие. Ему стало все равно, что будет дальше. И даже мысль о том, что полковник расстреляет его, больше не казалась такой страшной. «Если после смерти будет покой, то я уже хочу умереть», – подумал юноша, закрывая глаза.

– Ты сможешь, – твердо сказала женщина, сжав его руку. – Ты должен.

– Не смогу, – безнадежно выговорил Женя. – Я не хочу.

– Ты хочешь сдохнуть здесь? – вдруг разозлилась Марина. Она вскочила и нетерпеливо зашагала по камере. – Ты ради этого пережил столько? Чтобы полковник поставил тебя к стенке? Не смей так думать! Мы сможем. Смогли многое до этого – и с этим справимся.

– Прости меня...

– Спи. Набирайся сил. Я верю в тебя, друг, – уже куда мягче сказала Алексеева, будто устыдившись своего гнева.

А пленник видел в ее глазах беду, и голосок в голове шипел: «Не верь. Не верь...»

Женя проснулся оттого, что Марина трясла его за плечо. Юноша рывком сел, прогоняя остатки сна, заморгал от яркого света фонарика, направленного ему в лицо.

– Подъем. Нас ждут великие дела, – как-то слишком весело и бодро сказала Алексеева. Она была сосредоточенно-собранной, деловой и неестественно спокойной для человека, замыслившего побег.

Дверь в камеру была открыта, на пороге вниз лицом лежал часовой.

– Что это? – парню вдруг стало жутко. Все было неправильно, не так!

– Быстрее, времени нет, – жестко приказала женщина, рывком поднимая товарища на ноги.

Она схватила его за руку и потащила за собой, как безвольную куклу. Женя шлепал босыми ногами по бетонному полу, едва успевая за своей спасительницей.

– Бегом, бегом, – шептала Марина, деловито подталкивая спутника вперед.

Солдат у дверей лежал, раздетый до белья, также лицом вниз. Марина подхватила с пола какую-то сумку, раскрутила вентиль на двери. Она действовала слишком уверенно, но Жене не хотелось знать, как ей это удавалось.

– Скорее, они живы и скоро очухаются, – поторопила жен-

щина.

Парень затравленно озибался по сторонам, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Он хотел что-то сказать, но не смог, горло перехватило спазмом от страха и удивления.

– Не тормози! – рявкнула на него Марина, потянула за руку, вытолкала в коридор.

Замелькали ступени, в лицо ударил холод. Сзади хлопнула тяжелая створка, Марина догнала пленника в середине коридора. У нее на плече покачивались два автомата, в руках была брезентовая сумка. Запыхавшаяся Алексеева нервно одернула куртку и заторопилась вперед.

– Сейчас – бегом до серого высокого здания. Не задерживайся, – приказала женщина через плечо, не оборачиваясь.

Выбежали на улицу. Босые ступни обожгло льдом, пальцы мгновенно онемели. Ветер бросал в лицо хлопья снега, ядовитого, радиоактивного снега.

– Быстрее! – крикнула Марина, за руку потянув потерявшего способность сопротивляться и соображать разведчика.

Было темно, небо затянулось тяжелыми облаками. Мысли замерзали, двигались неохотно и медленно. Из одежды на юноше были только тонкая футболка и вытертые до дыр джинсы, этот скромный наряд не спасал от холода. В ноги впивались тысячи иголок, тело, казалось, существовало отдельно от разума.

Марина тянула его за руку, и парень повиновался – без-

различно, отупело. Споткнулся, упал, разодрал об лед колени, оставив кровавый след в свежем снегу.

— Ну же! Еще немного! Еще пару минут! — уговаривала его женщина, пытаясь поднять. — Вставай! Я прошу тебя, вставай!

Голова казалась тяжелой, неподъемной. Мрачные силуэты расплывались перед глазами, менялись местами в серой дымке, теряли контуры, черная стынь завывала ветром на сотни ладов, пугала, лишала воли. Но усталость пересилила страх, пересилила желание жить.

— Женя, вставай! — отчаянный крик слышался как сквозь вату, глухой и очень далекий.

Чернота неумолимо надвигалась и, наконец, поглотила мир.

— Давай же, — женщина растирала его щеки. Ее ладони были мокрыми от снега и холодными, как лед.

Евгений с трудом открыл глаза.

— Мы в бывшем общежитии военных, — предупредила его вопрос Марина. — Одевайся — и вперед.

Парень приподнялся на локтях, с трудом сел и молча начал натягивать военную форму. В голове бродили сотни вопросов, не желающих оформляться в слова, и, как всегда, ответов не существовало. Жене казалось, что с ним играют в игру, правил которой он не знает, и это напрягало, сводило с ума.

— Ты отобрала это у часового, — наконец, сказал он, засте-

гивая куртку.

– Даже если и так, какая разница? Готов? Химзащита в сумке. Надевай, я сейчас вернусь, – Алексеева была невозмутима и спокойна настолько, что парень с трудом пересилил желание схватить ее за шею и встряхнуть из интриганки правду, какой бы она ни была.

«Она меня спасла. Я должен быть благодарен. Мы сбежали от полковника, куда уж лучше?» – сам себя уговаривал юноша, натягивая прорезиненный костюм и противогаз. Но тревога кусала, ранила, не давала покоя. Что-то не так. Все не так! Так не бывает. Так не должно быть. Слишком уж все хорошо сложилось. Жди беды...

Женщина исчезла за дверью, но через пару минут появилась на пороге.

– Погони пока нет, все чисто. Идем.

Женя встал, но тотчас пошатнулся и сел обратно. Слабость придавила его к земле, сопротивляться ей, казалось, было невозможно.

– Не могу... – выговорил он.

– Можешь, – тон Марины не предвещал ничего хорошего. Ее прищуренные глаза сверкнули устало и недобро. Евгению на мгновение показалось, что из омута показного спокойствия и безразличия вынырнула та, другая, настоящая Марина, пугающая и чужая.

– Нет! У меня нет сил! – наконец, выговорил парень, безрезультатно пытаясь подняться.

– Ты мужик или тряпка?! – взорвалась женщина. – Нет – так и оставайся тут, замерзай! Сил у него нет, мямля! Встал и пошел! Вставай! Сейчас же!

Голос эхом отозвался от стен и внезапно придал парню стойкости. Женя выдержал ее взгляд, не отводя глаз, и страх отступил, изгнанный мрачной решимостью. «Помирать – так с музыкой. Хуже уже не будет!» – вдруг решил пленник и успокоился.

– Идем, – сквозь зубы прошипел он.

Марина протянула ему автомат.

– Не обижайся на меня. Нам нужно вернуться в твой бункер, – уже мягче сказала она.

– Я сейчас даже не буду тебя спрашивать, как тебе удалось нас вытащить, – улыбнулся разведчик.

– И не спрашивай, – подмигнула женщина, направляясь к выходу.

Она на мгновение задержалась у разбитых стеклянных дверей общежития, обернулась назад, взглянула с грустью.

– Я не позволю тебе умереть. Но не проси меня о большем, – непонятно сказала она и быстро пошла вперед.

Женя поплелся за ней, не решившись переспросить. С трудом выдворенный страх вернулся и тугим комком застрял где-то внутри – казалось, навсегда.

На улице завывал ветер. Женя натянул капюшон защитного плаща, оглянулся на Марину.

Она стояла, подняв лицо к небу, и улыбалась снегу.

– Так же нельзя, – глухо выговорил парень сквозь фильтры противогаза. – Так нельзя.

– Мне – можно, – в голосе Марины слышалась печаль. Женщина застегнула тонкую куртку, закинула автомат за спину и зашагала по снегу. Женя поспешил за ней, однако оружие держал наготове.

От общежития направились по дороге, ведущей в противоположную сторону от храма. На картах разведчиков этот путь был обозначен как небезопасный, раньше там часто пропадали люди, потому этот квартал старались обходить стороной. Высотные дома некогда радовали взгляд цветными панелями, но сейчас это облупившееся великолепие нагоняло жуть. Тянувшиеся вдоль дороги гаражи скалились беззубыми пастями ворот, ветер ухал в их темных недрах, свистел на разные лады, бросался снегом.

Парень остановился, на несколько шагов отстал от Марины, оглядываясь по сторонам. Женщина замедлила шаг, повернулась к нему раздраженно и нервно.

– Что? – довольно резко спросила она.

– Это опасный путь. Лучше идти через станцию, – неуверенно пробормотал разведчик. Автомат в его дрожащих руках ходил ходуном.

– Ты мне веришь?

Жене показалось, что последние несколько дней этот вопрос звучал слишком уж часто. Однако выбирать не приходилось.

– Я тебе верю.

– Тогда я веду – а ты молчишь и идешь за мной. Ясно?

Марина дернула плечами и пошла вперед, не оборачиваясь. Женя поторопился за ней. Ему было страшно верить ей, но еще страшнее – остаться одному среди мертвого заснеженного города.

Метель усиливалась. Скоро пошел настолько густой снег, что на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно. Парень поравнялся с Мариной, боясь потерять ее силуэт в этой бесконечной круговерти. Ему хотелось схватить ее за руку и не отпускать. «Мне страшно! Спаси меня!» – едва не закричал юноша. Но устыдился своей слабости, одернул сам себя. «Это ты должен был ее спасать. Ты – мужчина, а тебя за ручку вытаскивает из беды слабая женщина. Тряпка, тряпка, тряпка!» – ругался внутренний голос с интонациями отца.

Они шли по проезжей части, огибая машины, медленно превращавшиеся в сугробы. На обочинах в зыбком мареве угадывались силуэты домов.

Вдруг сзади раздался странный, чужой для погибшего мира звук, разорвавший ледяную мглу неприлично громко. Автомобильный клаксон. Женя вздрогнул, не понимая, что происходит, Марина же как будто совершенно не удивилась. Более того, парню показалось, что его спутница вздохнула с облегчением. Показалось. Мокрое от снега лицо женщины было сосредоточенным и тревожным. Она схватила парня за руку и потащила за собой куда-то в сторону.

Под ногами захрустел битый кирпич, мелькнул наполовину разломанный забор, впереди показались два здания, соединенные галереей. Беглецы обогнули одно из них, вбежали внутрь и только тогда остановились.

Женя с удивлением оглядывал чудом сохранившийся интерьер. Наверх уходила широкая лестница, над ней большими буквами было написано «Здравствуй, школа!». По обеим сторонам от нее сохранились деревянные щиты с надписью «Расписание» и металлические вешалки с крючками – школьная раздевалка. Налево уходил коридор, темнели дверные проемы – бывшие кабинеты. Кое-где сохранились и таблички. «Кабинет истории» – гласила одна из них. С правой стороны был большой холл, сквозь разбитые окна туда нанесло снега.

Марина стояла перед лестницей. Ее плечи предательски вздрагивали, казалось, его спасительница растеряла весь боевой дух, сгорбилась и даже стала меньше ростом. Женя подошел, коснулся ее руки. Женщина обернулась. Ее лицо было залито слезами.

– Это моя школа. Я училась здесь, когда была маленькой. Одиннадцать лет в этих стенах, – прошептала она, задыхаясь от рыданий. Страдальчески улыбнулась. – Я не думала, что смогу когда-то сюда вернуться.

Парень смотрел на нее, обескураженный, удивленный.

– Ты плачешь?

Ему казалось, такого не могло быть. Несгибаемая, пере-

жившая все на свете, утешавшая, вытаскившая его из страшного плена женщина не могла плакать. Неправильно, не так... Жене вдруг стало невыносимо стыдно. Он обнял ее, гладил по спине, успокаивая.

– Прости меня. Я не верил тебе. Сейчас верю.

Простое, человеческое проявление чувств рассеяло его страхи. Нет, он ошибался на ее счет. Она не может предать. Она спасла его.

Женщина пристально посмотрела ему в глаза. Отвела взгляд.

– Не верь никому в этом мире, – тихо сказала она, отирая рукой соленые капли со щек. Ее губы вновь сомкнулись в суровую линию, а лицо приняло прежнее невозмутимое выражение. Казалось, Алексеева устыдилась внезапного проявления слабости.

Марина поднялась по лестнице, парень поторопился за ней.

– Здесь когда-то был кабинет директора, тут – кабинеты труда, а впереди – актовый зал и столовая, – буднично сказала она, будто за окнами светило солнце, и не произошло страшной, последней для человечества войны.

Женя удивился ее самообладанию. Его спасительница успокоилась мгновенно, будто и не было ничего. В ее голосе не слышалось ни страха, ни сожаления. Только спокойствие и решимость, такие же холодные, как пурга за стенами их пристанища.

Вошли в большой зал. Женщина потянула спутника за руку, завела на небольшую сцену и застыла, напряженно вглядываясь в снежную темноту за окнами. Парню показалось, что среди метели мелькнул луч мощного фонаря, описал круг и снова исчез. Наверное, почудилось. Юноша тревожно взглянул на свою спутницу, но ее лицо не выражало ничего. Точно, показалось. «Или нет?» – шепнул изнутри вредный голосок.

– Почему мы здесь? – наконец спросил Женя, когда Марина повернулась к нему.

– Ты же слышал гудок на улице. У военных есть машина, она на ходу, думаю, они отправились на наши поиски. Переждем здесь, а потом сменим маршрут и пойдем дальше.

– Ты знаешь то, чего не знаю я.

– Это к лучшему. Меньше знаешь – меньше у тебя проблем, – грустно усмехнулась женщина. – Хочешь, покажу тебе школу?

– Это не опасно? Откуда ты знаешь, что здесь никто не водится? – инстинкт, выработанный за десятки вылазок, взял верх над любопытством. Все же не в первый раз парень оказался на поверхности, а главное правило разведчика гласило: «Не суйся в незнакомое место без надобности!»

– Я тебя прошу, не задавай мне вопросов, откуда я знаю. Моя задача – довести тебя до дома. Если я что-то предлагаю, значит, уверена в том, что твоей жизни ничто не угрожает.

Женя смотрел неодобрительно, хмуро.

– Ты не жила здесь после Катастрофы. А я водил отряды не один год, – довольно резко сказал он. Парня начинала раздражать ее самоуверенность. «Я не наивный юнец, в конце концов! И отец не зря доверял мне командовать вылазками!» – сам себя убеждал юноша, безнадежно чувствуя, что он не прав.

– Глупый, – улыбнулась Марина. – В этих местах ты тоже никогда не был. Но я в этом городе жила двадцать лет, знаю кое-какие нюансы, уж не спрашивай, откуда.

«Твой отряд погиб в лесу. Ты провалил задание. Ты рыдал, как мальчишка, когда полковник оставил тебя наедине с чудовищем. Тебя спасает баба. Тебе страшно. Тряпка, тряпка, тряпка!» – горько стучал в голове голос отца.

– Я очень хочу тебе верить, – вслух проговорил Евгений. Женщина смотрела в глаза юноши за мутным плексиглазом противогоза – огромные, перепуганные.

– Полковник сломал тебя, – прошептала она. – Ты больше не командир разведгруппы. Ты просто испуганный мальчик. Женя отшатнулся, будто она ударила его, но промолчал.

– Об этом я и говорю. Даже не решился возразить мне. Ты сломлен, дружок. Как изломан и весь этот мир. Ты сейчас больше всего на свете боишься, что я уйду и оставлю тебя одного здесь, поэтому молча соглашаешься со мной, хотя я вижу, что тебе больно слушать и вспоминать. Полтора месяца страха и унижений – и от прежнего человека не осталось ничего. Это не упрек, не думай. Я когда-то была такой же,

как полковник. Командиром бункера. Заставляла слушаться себя, за попытки бунта карала смертью. Видела людей, что держались дольше тебя, видела тех, кто ломался сразу. А ты лучше многих. Не предатель, не сволочь. Я прошу тебя, не сомневайся во мне, пока не доберемся до убежища. Впереди лес, там нужно быть осторожнее. Ты не веришь мне, я знаю. Прощения просить не буду – ты даже не догадываешься, *что* мне показал в бункере Рябушев. Знал бы – простил бы меня. А пока что нам пора идти.

В голосе Марины звучало отчаянье. Женщина отвернулась и пошла вперед.

– Когда-нибудь ты тоже предашь меня, – бросил ей в спину парень. – Но пока я верю тебе.

Она обернулась, с горечью посмотрела на него.

– Если бы ты знал, сколько народу я когда-то предала и погубила. Таких же юных и глупых. Тех, кто верил мне, – тихо ответила женщина. – Тебе просто некуда деваться. Ты напуган, тебе больно и страшно. И мне жаль тебя. Я не хочу, чтобы тебе было плохо. Только...

Она замолчала и поспешила к выходу из школы.

– Только вот все равно ничего хорошего мне не светит, – мрачно заключил Женя, спускаясь по выщербленным ступеням.

– Заболтались, Евгений. Времени нет. Сейчас внимательнее, автомат держи наизготовку. За мной! – лицо Марины утратило печальную мягкость и вновь стало собранным и

строгим.

Парень шел, утопая в свежих сугробах по колено, тревожно оглядываясь вокруг, поминутно отряхивал свободной рукой снег, залеплявший окуляры. Темная снежная мгла жила своей жизнью, где-то вдалеке завывали собаки, похрустывали ветви деревьев. То ли прячется кто-то, то ли просто ветер... Воспаленные после бессонных ночей глаза слезились, хотелось снять противогаз и вытереть лицо. Было холодно, руки под тонкой резиной перчаток коченели. Следы ударов на теле противно ныли, отвлекали. Не было сил, голова кружилась от усталости и волнения, ноги казались чугунными, каждый шаг становился маленьким подвигом.

Его спутница шла впереди, торопливо и сосредоточенно, ее светлые волосы были запорошены снегом, куртка намокла и была похожа на мешок. Марина останавливалась каждые несколько минут, приглядывалась и прислушивалась к этой живой и враждебной темноте.

Вышли на широкий проспект. Направо убегала полуразрушенная эстакада, внизу темнели остовы поездов. Отсюда отлично было видно лес, черный и жуткий, за ним укоризненным кривым пальцем пронзала небо башня бизнес-центра, та самая, которая была ориентиром для его группы разведчиков.

Сворачивать не стали, шли прямо, мимо разрушенных домов. Мелькнуло сквозь метель здание еще одной школы и снова скрылось в зыбком мареве. Впереди показались же-

лезнодорожные пути, а за ними начиналась чаща. Отсюда до бункера автоконструкторов – десять минут пешком по прямой.

«Неужели через лес?» – спрашивал сам себя Женя, и ответ ему очень не нравился.

– Нет, через лес мы не пойдем, – ответила на невысказанный вопрос Марина. – Точнее, пойдем, но не здесь.

Парня пугала ее манера договаривать за него то, что он боялся сказать вслух. Казалось, Алексеева знала все. Конечно же, это совпадение, но...

«Слишком много этих «но». Слишком много для меня одного. Почему именно я? Где я успел в своей жизни так нагрешить, что расплачиваюсь такой ценой?» – тоскливо подумал юноша, стараясь не отставать.

Марина поспешила в здание, когда-то бывшее колледжем, прошла по длинному коридору и остановилась в одном из классов. Сквозь окно было хорошо видно деревья, вплотную подступившие к путям.

– Мы с тобой свернем в сторону лестеха³ и пройдем там, – сказала женщина, пристально вглядываясь в сплетение черных ветвей.

В мирное время этот небольшой лесок, уютно устроившийся между двумя железнодорожными ветками, был любимым местом отдыха мытищинцев. Когда-то там нахо-

³ Лестех – МГУЛ, Московский государственный университет леса, в настоящее время является филиалом МГТУ им. Баумана. Находится в г. Мытищи.

дился институт леса, студенты веселой гурьбой шли через посадки до станции «Строитель», оттуда ходили поезда на Москву.

Теперь деревья захватили всю территорию больницы и института, перешагнули через железную дорогу и шоссе, и в здравом уме сюда лучше было не соваться.

Парень бессильно привалился к стене. Ему вдруг стало все равно, что будет дальше. Только бы немного отдохнуть.

– Иди сюда, – приказала Марина. Ее лицо утратило бесстрастное и спокойное выражение, в глазах плескался страх. «Ну, хоть что-то ты не знаешь!» – отчего-то злорадно подумал парень. Он с трудом поднялся и подошел к ней, заранее не желая знать, что она увидела в снежном мареве.

– Смотри левее, где бетонная будка, видишь?

Сквозь пелену метели были отчетливо заметны зеленоватые отблески, в которых плясали зыбкие тени.

– Боже... – выговорил Женя. Его затошнило от ужаса, в памяти всплывали жуткие образы товарищей, в припадке безумия расстрелявших друг друга.

Женщина пристально посмотрела на него. Лицо юноши было совершенно белым.

– Теперь – внимательно. Если я команду «Бегом!», это значит – бегом, без промедления. Мы сейчас идем прямо, почти вдоль путей, по кромке леса. В лес не суемся. Доходим до станции «Строитель», поворачиваем и через лес проходим очень быстро. Попадаем прямо на территорию кон-

структорского бюро. Если вдруг со мной что-то случится, то ты бежишь и не останавливаешься. Это ясно? Если вдруг разделимся, расчетное время – около десяти минут. Если я не появляюсь, ты спускаешься в бункер один. Твоя задача – бежать как можно быстрее. Ты меня понял?

– Но, Марина...

– Ты меня понял?! – крикнула женщина.

– Есть! – по-военному ответил парень.

– Я понимаю, что тебе тяжело. Вижу, что ты задыхаешься на ходу. Ты устал, фильтр противогАЗа почти забит, сменного нет. Если все пойдет по плану, через полчаса ты будешь дома. Все будет хорошо. Ну, вперед.

Беглецы осторожно выбрались из здания колледжа сквозь пролом в стене и пошли вперед. Алексеева казалась спокойной, но ее выдавала окаменевшая, напряженная спина. Женя старался не дышать, до звона в ушах вслушиваясь в вой ветра. Ноги увязали в снегу, идти было тяжело, каждый шаг – усилие, каждый вздох – мучение.

Шли по самой границе чащи, пристально вглядываясь в зеленовато мерцающую снежную темноту. Лес жил своей особой жизнью, шуршал, вздыхал, скрипел на ветру.

Марина торопилась. Ей и самой хотелось поскорее покинуть это мрачное место. Вдруг она остановилась так резко, что Женя не успел среагировать и налетел на нее, едва не сбив с ног.

– Твою же мать... – выговорила женщина, глядя перед со-

бой. Она казалась совершенно растерянной. Все пошло не так, не по плану, расчет не оправдался.

Раньше здесь были старые пятиэтажки, громада Дома культуры, отвратительно серое здание психдиспансера. Сейчас здесь не было ничего. Женщина стояла на краю котлована, заполненного булькающей жижой с омерзительным запахом. Болото простиралось и дальше, на территории бывшего завода «Мосстройпластмасс», до самых жилых домов. Припорошенное снегом, живое, оно казалось бесконечным. К нему вплотную подступал лес. Путь вперед был отрезан.

Марина материлась вполголоса, отыскивая под снегом обломок кирпича. Жижа хищно булькнула и проглотила камень. Не было даже речи о том, чтобы пробраться здесь.

Женя сделал полшага вперед, вглядываясь в гипнотически покачивающуюся поверхность. Замер почти на краю. В черных маслянистых переливах было что-то завораживающее, манящее. Рассудок помутился, скованный неведомой силой. Хотелось смотреть, смотреть, не отрываясь, ближе, еще ближе. Жижа хищно плеснула вверх, пытаясь во что бы то ни стало дотянуться до парня.

– Назад! – запоздало крикнула Марина, отталкивая его.

Женя упал навзничь и отполз. Алексеева инстинктивно подняла руки, пытаясь заслониться. Липкая лапа бурой грязи коснулась незащищенной кожи на ее ладонях.

Женщина вскрикнула и отпрянула. Замерла, отупело глядя, как на руках вздуваются волдыри. Наконец, очнулась и

зашипела от боли, опуская руки в снег.

Женя сел рядом с ней, в его глазах была паника. Марина вытащила ладони из сугроба, критически осмотрела, кусая губы. Застонала, пытаясь пошевелить пальцами. Парень в ужасе смотрел, как кожа на ее ладонях сморщивается и слезает кусками, и горячая плоть дымится паром на морозе. Ему было жутко даже подумать о том, что сейчас чувствует его спутница, по позвоночнику забегали мурашки.

– Что это? – наконец, выговорил он. Губы не слушались.

– Это смерть. Долгая и мучительная, – проговорила Марина, снова опуская руки в снег. – У нас вынужденный привал. Очень больно.

Ее щеки побелели, на виске билась жилка. Женщина стиснула зубы, пытаясь сдержать мучительный стон, но не сумела.

– Это все из-за меня... – убито прошептал Женя. – Ты меня спасла.

– Это уже неважно. У нас сейчас другие проблемы. Путь отрезан. Нам остается идти только через лес. Если пойдем кругом, не отстреляемся от собак. Да и для тебя это слишком долго, – женщина закусила губу и поморщилась.

– Что это? – парень со страхом косился в сторону болота, над которым плескались фонтанчики черной грязи. Почти физически ощущались волны ненависти и злобы, исходившие оттуда. Оно было живое. Однозначно живое и страшное.

– Это мосстройпластмассовцы нахимичили. До Катастрофы тут постоянно воняло какой-то ядовитой гадостью, неудивительно, что в нашем спятившем мире появилась такая дрянь. Я не знаю, что это, но то, что оно хищное и очень опасное, нам теперь известно. А еще, кажется мне, оно довольно разумное. Надо валить отсюда. Я не знала, что будет так. Еще пару минут, и мы пойдем. У нас поменялись планы. Автомат теперь не удержу. Надеюсь лишь, что сможем проскочить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.